

Валерия Кондратьева

БЕЛЫЕ
КЛАВИШИ

Валерия Кондратьева

Белые клавиши

«ИП Астапов»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6

Кондратьева В.

Белые клавиши / В. Кондратьева — «ИП Астапов», 2019

ISBN 978-5-907051-92-8

Новый роман В. Кондратьевой «Белые клавиши» – семейная сага о жизни одной московской семьи. Действие начинается в 1941 г. и заканчивается в 2000 г... Четыре поколения этой семьи прошли через трудные испытания во время войны, в послевоенные годы, в советское время и в период перестройки. В книге передан общий дух тех времен, красной нитью через все повествование проходит чувство любви героев друг к другу, к природе, искусству, музыке, Родине. Остросюжетный роман увлекает читателя с первых страниц до финала, заставляя сопереживать героям книги.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6

ISBN 978-5-907051-92-8

© Кондратьева В., 2019
© ИП Астапов, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Валерия Кондратьева

Белые клавиши

© Валерия Кондратьева, 2019

* * *

Бог, не суди!
Ты не был женщиной на земле!
Марина Цветаева

Глава 1

Наденька Майская жила со своей семьей в Москве, в районе Красной Пресни в небольшом двухэтажном доме, очень старом и ветхом. Дом имел собственный выходящий во двор палисадник, огороженный резным деревянным заборчиком. Какие только цветы не росли там весной и летом! И благородные пышные, похожие на пачку балерины, пионы, колокольчики, васильки, маргаритки, сладкие, всегда привлекающие ос и пчел левкой и высокие, стройные, как свечки, люпинусы. Очень нравились Наде и ромашки, головки которых были белого, розового, сиреневого и даже голубого цвета. Это были садовые ромашки, а не те, что растут в лесу, размером они были гораздо больше тех, лесных. Осенью Надю радовали заросли из кустов золотых шаров, что росли по краю забора. Они напоминали маленькие солнышки, и, глядя на них, лицо девочки сразу расплывалось в улыбке.

Наде было всего-то шесть лет, но она уже умела понимать и ценить красоту. Названия цветов она запоминала с трудом, но старалась и даже записывала их печатными буквами, которым недавно научила ее мать. Вот, например, название цветка лилии она запомнила сразу, этот цветок ее просто завораживал! Лилии были такие грациозные, стройные и роскошные в своем цветении! Цветок лилии напоминал ей корону сказочной принцессы, которую так хотелось примерить на голову. А как вкусно лилии пахли! Правда, если к ним подойти близко и слегка наклониться, чтобы понюхать, можно было испачкать лицо, особенно нос. Мама много раз напоминала Наде об этом. На лице оставались темно-красные разводы от тычинок в сердцевине цветка, которые потом плохо смывались водой.

За цветами ухаживали женщины, живущие в их доме. Они поливали их, подрезали, удобряли и строго следили за тем, чтобы никто не срывал. Приходилось любоваться их красотой издали.

На дворе стоял месяц июнь. А для цветения каждого цветка должно прийти свое время. Пока время лилий и также сильно любимых Надей флоксов пока не пришло, и девочка с замиранием сердца следила, как овальные головки каждый день набирают силу, увеличиваясь в объеме. Так интересно было за этим наблюдать!

Время цветения лилий – июль и август, но Надя умела ждать, лето пробегало так быстро!

Еще Надежда очень любила невзрачные на первый взгляд маленькие кустики с синенькими цветочками-туфельками. Она часто стояла около них и наблюдала за тем, как внутрь туфельки залетала оса, а потом никак не могла оттуда выбраться. Оса еле помещалась в узкой части носочка туфельки, но все-таки, напившись сладкого нектара, вылезала наружу. Наде почему-то казалось это очень смешным! Правда, синенькие туфельки совсем не имели запаха, но Надя частенько просто стояла около цветов и представляла себе, что именно такую туфельку, только хрустальную, потеряла Золушка на балу во дворце короля. Девочка была ужасной выдумщицей и обожала, когда ей на ночь читали книги.

Книжек в доме была уйма! Ведь мать Наденьки, Ольга Павловна, работала в ближайшей московской школе учителем русского языка и литературы. Она знала столько интересного! Ольга разыскивала в своей школьной библиотеке много познавательных книг для дочери, и вечерами все члены семьи по очереди читали Наде их вслух.

Отец Надежды – Иван Иванович Майский работал мастером-сборщиком на московском заводе «Компрессор», он очень поздно приходил с работы, и отца Надя видела только по вечерам перед сном. Но зато девочка много общалась с ним по воскресеньям, когда вся семья выходила гулять.

Прошлой зимой, под Новый год, мама родила братика, и вся семья с коляской часто ходила гулять в зоопарк, расположенный неподалеку. Иногда маленького Олежку оставляли с бабушкой Анастасией Петровной, но чаще коляску с малышом с гордым видом вез отец. Это

было волшебное время! Надя с родителями стояла около клетки с каким-нибудь зверем и кормила его хлебом. Все весело хохотали! Потом девочку сажали в тележку-таратайку, запряженную маленькой лошадкой, которая возила детей по кругу, и Надя махала рукой родителям на каждом повороте. Это были часы счастья, единения всей семьи, и Наденька считала дни до следующего воскресенья, когда она опять отправится гулять с мамой и папой в зоопарк.

Лето – волшебное время! Гудение пчел и шмелей слышно было повсюду, не говоря про щебет птиц. Эти птички трели слышны были повсюду и придавали радостное настроение людям, всякий раз напоминая, что пришло долгожданное лето!

Теперь, когда наступило лето, коляска с Олегом частенько стояла около подъезда, а на лавочке рядом с ней сидела либо бабушка, либо мама, когда была свободна. Босыми ножками Надя бежала на детскую площадку, расположенную поблизости. Она садилась на узкую дощечку качелей, вцеплялась своими тонкими ручонками в поручни качелей и начинала раскачиваться. Надя так высоко взлетала вверх, что, видя голубое небо над головой, кричала от радости. Суставы качелей почти выворачивались от таких движений, и мама, видя эти рискованные упражнения дочери, грозилла пальцем и кричала ей в открытое окно:

– Надя, остановись! Не надо так сильно раскачиваться, можешь упасть! Осторожно!

– Хорошо, мамочка! Не беспокойся!

Затем Надя бежала поливать цветы из своей маленькой леечки, она так хотела, чтобы они побыстрее выросли! Потом, правда, ноги были мокрые, приходилось сушить на солнце измоченные сандалики, но зато цветочки росли лучше и быстрее распускались. Погода стояла жаркая. Повсюду окна в домах были открыты настежь и оттуда доносились разнообразные звуки: голоса хозяев, шум включенных радиоприемников и даже игра на пианино.

Уже повсюду цвела сирень. Ее пышные сиреневые, белые, и даже темно-темно-сиреневые гроздья разносили свой ароматный запах по всей улице. Около входа в подъезд дома росло большое дерево душистой черемухи. Она была настолько высокая, что Наде казалось, будто ветки дерева дотягиваются до неба.

Вся дорожка перед входом в подъезд, трава, кустики, растущие рядом, покрывались белой пеленой, когда черемуха начинала осыпаться. А уж если поднимался сильный ветер, белые цветочки-пушинки черемухи разлетались по воздуху, будто первые снежинки зимой.

Вскоре начинал отцветать тополь. Его белый пух, скатывающийся на дорожках в белые кучки, становился похожим на сахарную сладкую вату, что покупали Наде в зоопарке. Пух залетал в открытые двери подъезда и лежал там большими сугробами на полу. Дворникам прибавлялось работы. Также пух любил залетать в открытые окна и летать по комнатам. Всем приходилось натягивать на окна сетки, вырезанные из тюля. Бабушка Настя всегда ворчала при виде летящего тополиного пуха и покрывала коляску с маленьким Олежкой куском белой марли.

Ольга вышла на работу уже через три месяца после рождения сына: расходы с рождением малыша сильно увеличились, ей приходилось очень много работать. И в школе вести уроки, и дома сидеть за столом у окна и проверять тетради учеников. А их было великое множество! Ольга сутулилась, вечно замерзала, так как из окна постоянно дуло. Иван нередко накидывал на ее плечи связанную Анастасией Петровной шаль из ровницы, которая немного согревала.

Сейчас уроки в школе закончились, шли выпускные экзамены, но работы у учителей было очень много. Оле надо было проверять выпускные сочинения и изложения у учеников. Подготовка по литературе к экзаменам также отнимала много времени и сил, Ольга переживала за каждого своего выпускника. Иногда отстающие приходили к Майским домой, и Ольга занималась с ними дополнительно. Частенько из глубины комнаты доносился ее спокойный, приятный голосок:

– Не забудьте про двоеточие и кавычки перед прямой речью! Сложные предложения разделяются запятой! Зачем тут вопросительный знак?

Места в доме не хватало. Квартира, где жили Майские, была коммунальной и очень маленькой: две небольшие комнатки и общая кухня на две семьи. В одной комнате располагались Ольга и Иван с маленьким сыном, в другой – Анастасия Петровна с Наденькой. В комнатах стояло только то, что необходимо: старый дерматиновый диван с валиками по бокам и с высокой жесткой спинкой, кровать Ольги с мужем, железная, довольно узкая, с блестящими металлическими шариками по углам спинки, стол, сколоченный когда-то давно еще отцом Вани, который был придвинут к окну и застелен выцветшей клеенкой. Вокруг стояло четыре деревянных стула.

Единственной ценной вещью Майских были высокие, старинные напольные часы с боем. Они имели желтый циферблат, внизу которого имелась надпись на французском языке, и к тому же они работали.

Били они каждый час, к счастью, не будя Олежку. Часы достались от прежних соседей, которые переезжали в другой город. Тащить такую тяжесть с собой, как напольные часы, они не захотели. Выбрасывать их на помойку было жалко. Пришлось оставить часы своим соседям – Майским, с которыми они дружили. Надя любила эти часы, по ним папа учил её узнавать время. Ещё она обожала их бой: мелодичный и низкий.

Но больше всего в своем доме Надя любила ковёр, который висел над её кроваткой, где она спала. Ковёр был замечательный! На нём были изображены два лесных оленя, гуляющих в сказочном диковинном лесу. По всему лесу росло множество зелёных папоротников: какие-то посветлее, а некоторые тёмно-изумрудного цвета! Папоротники стелились повсюду, они разрослись так густо, что заполняли почти всю поверхность леса. На переднем плане слева стоял большой взрослый олень с тяжелыми ветвистыми рогами. Он в упор смотрел своими красивыми раскосыми глазами прямо на глядящего. На заднем плане, чуть правее, стоял олень поменьше, видимо это был ребёнок-олень, ещё без рогов, с маленькими мягкими ушами. Оба зверя зорко всматривались вперед, пытаясь увидеть или услышать своих врагов: волка или рысь. На переднем плане в центре был выткан живописный коричнево-охристый пенёк с переплетающимися и изогнутыми в разные стороны древними сухими корнями, уходящими в землю.

В разных местах, но не везде, росли папоротники, которые цвели! Их огромные головы алого цвета горели ярким цветом на фоне изумрудной зелени. Весь ковёр был выполнен в желто-терракотовой гамме, так гармонирующей с зелёной травой и синим небом. Надя перед сном подолгу рассматривала этот ковёр-картину.

Она досконально знала, где и что изображено, но её тянуло рассматривать ковёр вновь и вновь. Про себя она сочиняла разные истории, которые могут произойти в этом лесу. Глядя на взрослого оленя ей так хотелось влезть к нему на спину и сидеть там, гладить его по жёсткой шерстке и по крепким, гладким, как будто отполированным, острым рогам.

Она, как Герда из сказки, как ей казалось, сидя на его спине, неслась по тундре или заснеженному полю, вцепившись в эти сильные рога, зажав в руках цветок папоротника. Надя, конечно, понимала, что такое бывает только в сказках или снах. Мама объясняла Наде, что на самом деле папоротник не цветёт никогда. Они размножаются спорами, расположенными на обратной стороне листьев. Просто народ придумал красивую легенду про цветение папоротника. Надя не понимала ничего про размножение папоротников, не очень хотела верить в легенду, рассказанную мамой. Но мама, как истинный литератор, сочла нужным рассказать Наденьке эту легенду-сказку. Вкрадчивым голосом Ольга говорила:

– Если верить народному поверью, один раз в год – в ночь на Ивана Купалу на поляне среди дремучего леса распускается перунов огнецвет. Посередине раскинувшихся перистых листьев, словно светящийся уголёк, появляется цветочная почка. Растёт это диво прямо на глазах и ровно в полночь с треском раскрывается, озаряя ярким светом всю поляну и громом сотрясая воздух и землю. Человеку, овладевшему этим цветком, становятся подвластны все

тайные знания магии и доступны все скрытые на земле клады. Правда, добыть его удаётся далеко не каждому. Ведь мало найти чудесный цветок в лесной чащобе, нужно ещё одолеть страх перед нечистой силой, собравшейся на поляне. Такова легенда, – вздохнув, закончила Ольга свой рассказ.

Надя с содроганием слушала этот мамин рассказ, особенно про нечистую силу. Мама видимо специально ничего сокращать в рассказе не собиралась. Но Наденька все равно не до конца верила легенде.

«Раз цветок нарисован на ковре, – рассуждала она, – значит, бывает в действительности. Пускай даже редко очень. Но все же бывает».

Так Наде хотелось этого.

И со временем Ольга перестала спорить с дочерью.

«Пусть подрастёт, тогда я подробно объясню ей всё, и она сама разберётся верить в легенду или нет», – думала Ольга, с нежностью смотря на дочь. Ольга Павловна очень устала за день. Работа забирала много сил. Анастасия Петровна, конечно, помогала ей, но иногда приходилось прибегать за помощью к девчужке Варя, соседке по коммуналке. Она всегда приходила на выручку, никогда не отказывала. Варя было совсем молоденькой, от силы лет 15-16. Она закончила восемь классов и больше учиться не захотела.

Варенька была смешливая и хорошенькая. Любила крутить патефон у себя в комнате и громко петь. Она часто забегала в комнату к Майским и своим певчим голоском заботливо спрашивала:

– Тётя Оля, помощь нужна? Надо погулять с Надей? Или с Олежкой? Давайте я быстренько подмету у вас в комнате, мне нетрудно!

Её природное обаяние подкупало всех. Оля с любовью смотрела на Варю и про себя думала: «Вот кому-то такое сокровище достанется!» Варя крепко сдружилась с семьей Майских, искренне любила их детей. Могла и покормить их, когда надо, и спать уложить. А если бабушка Настя просила сбегать в ближайший магазин за хлебом и молоком, Варя бежала с радостью, по пути успев покормить всех дворовых собак и кошек.

Родители Вари ей практически не уделяли внимания, целыми днями работали. Но девочка от природы было очень правильной, дружелюбной и жизнелюбивой. Ее рыжеватые волосы горели на солнце, а на лице, усыпанном веснушками, всегда играла улыбка.

Ольга уговаривала Варвару учиться дальше, видя, что девочка она толковая, любит читать, но Варя по неопытности и молодости только отмахивалась:

– Ааа... Успеется, – смеялась она.

В доме Майских было собрано много интересных книг. Ольга замечала, с каким упоением Варя читает её детям книжки.

В тот роковой день, 22 июня 1941 года, никто не подозревал о начале войны. Германия вероломно напала на Советский Союз. Сначала никто не поверил предстоящей опасности, ведь до этого была Финская война, которая продлилась всего 3 месяца. Все думали, что так же будет в этот раз.

Стояло воскресенье, это был очень жаркий день. Люди освежались, покупая квас, стоя в очереди за кружкой холодного напитка. Женщины в крепдешинowych платьях и белых носочках толпились у автобусов, провожая детей в летние лагеря.

Иван Майский сразу же добровольцем ушел на войну. Он был направлен в Прибалтику, на фронт. Вновь прибывших новичков расформировали по разным подразделениям. Иван попал в Ладожскую флотилию простым матросом.

Все в жизни Нади изменилось сразу. И папы не было рядом, и мама ходила постоянно грустная. Письма от папы, а вернее листочки, свернутые треугольничком, приходили редко. В них он очень мало писал о себе, больше спрашивал о маме, Наде и Олежке.

До войны, летом на каникулы Ольга уезжала с маленькой Наденькой к сестре Люсе в Башкирию. Но сейчас она не знала, что делать. Она сидела часами у радиоприемника и слушала сводки с фронта. Они никак не радовали ее. Наступили суровые времена.

В письмах Иван настаивал, чтобы уезжали все из Москвы, на время войны к Люсе, туда враг не доберется. А к Москве может и подобраться. Но Ольга все медлила, надежды таяли с каждым днем. Подсознательно она еще ждала, чтобы Олежка подрос, окреп.

В письмах сестры было только одно: выезжайте, не медлите. Не ждите холодов. Она беспокоилась, как Ольга одна без мужа в доме справится с хозяйством, старенькой мамой и крошечным сыночком.

Так просидели они до октября, надеясь на улучшение. А в середине октября фашисты подошли к столице вплотную, ежедневно бомбили самолеты, город перешел на осадное положение. 15 октября было принято постановление о всеобщей эвакуации. Многим казалось, что это конец, что мы проиграли, что со дня на день враг возьмет Москву.

Распространялись тревожные слухи, начиналась паника. А в ноябре сообщили, что враг уже стоит на подступах к Москве. Многие стали уезжать, эвакуировались заводы и учреждения. Оставаться стало опасно, да и зарплату учительницы в школе еле хватало, чтобы как-то выжить. Олежку надо было откармливать молоком и свежими качественными продуктами: он был худой, бледный, не добирал вес, часто болел. Да и Надя, нельзя сказать, что обладала крепким здоровьем.

А мать Ольги, Анастасия Петровна, вообще как-то сразу сникла, постарела, помощи от нее практически не было.

– Устала, ты, Оля? Отдохни, – только и говорила Анастасия Петровна.

– Давай картошечки почищу?

– Лежи, мама. Сейчас Варя придет, поможет.

Долго обдумывать решение об отъезде Ольге не пришлось. Немцы стояли уже в Подмосковье, вопрос решил сам собой. Ольга быстро стала собирать вещи детей, матери, свои, купила билет до Уфы и собралась в дорогу.

Она даже успела написать письмо сестре Люсе с просьбой найти для нее место учительницы в школе или еще где-нибудь, где будет свободное место. Ольга надеялась, что пока они будут ехать, Люся как раз найдет работу для нее. А ехать им предстояло долго. Село, где жила Людмила, находилось в нескольких километрах от города.

Вечером сложив все вещи по тюкам и чемоданам, уложив детей спать, Оля села за стол и молча поглядела в окно. Небо было усыпано звездами. Налив себе кипятка из алюминиевого чайника, она заварила в нем листья мяты и смородины, предварительно высушенные еще летом, и прихлебывая горячий чай, наконец-то успокоилась.

Она окончательно утвердилась в том, что все правильно делает. Поживет до весны-лета следующего года у Люси, глядишь- и война закончится. За это время дети окрепнут в прекрасном климате, где растет полно ягод, грибов; где каждая семья имеет коров, кур, кроликов и всякую другую живность. Люся каждое лето зазывала Олю погостить у них с мужем, обещала всячески помогать. Собственных детей у нее не было.

Ехать надо было до города Уфа, далее как-то добираться самим до села Глуховское. Село было большое, расположено в красивейшем месте. Сколько Ольга ни уговаривала Люсю с мужем перебраться к ним поближе к Москве, Люся никак не соглашалась.

Привыкли, приросли. Да и куда от своего хозяйства денешься!

В письмах Люся еще с осени зазывала Олю с детьми к ним в Башкирию. Она писала, чтобы сестра ничего не боялась, уверяла, что Наденьку и Олежку они вместе откормят кумысом, дети вырастут и окрепнут. Кумыс продается у них в каждом местном магазине, его разливают по бутылочкам, он всегда имеется в продаже.

Ольга хорошо подготовилась к трудному и долгому путешествию в Башкирию. Запаслась теплыми вещами, продуктами в дальнюю дорогу. Взяла все необходимое для жизни на новом месте. В основном – книги для своей работы, для чтения детям, все принадлежности для Нади: ведь ей надо идти на следующий год в школу!

Очень беспокоила Ольгу мать. Та хоть и чувствовала себя неплохо, бодрилась, но возраст брал свое. К счастью, настроение у Анастасии Петровны было хорошее: ведь она ехала на встречу к своей второй родной дочери Людмиле, с которой давно не виделась. В Москву Люся с мужем выбирались редко.

В поезде дети прилипли к окнам. Спины и грудь им Ольга замотала пуховыми шальями крест-накрест, чтобы не продуло. Олежка уже научился ходить, но его не спускали с диванчика. С этим было мучение, он требовал, чтобы его водили по купе, а лучше вдоль коридора вагона. Но бабушка Настя строго следила за поведением детей в поезде, из купе лишний раз не выпускала.

– Мама! Посмотри, заяц пробежал по просеке! – возбужденно кричала Наденька, смотря в окно. – Да каким-то белым стал! Я в зоопарке видела только серых!

– Конечно, ведь зима почти наступила! – объясняла Ольга. – Зайцы шкурку меняют. Помнишь, мы об этом читали?

– Да, да. Я забыла просто. Посмотри скорей в окно: как красиво там! – не унималась Надежда.

Пейзажи за окном менялись быстро.

Пока за окном мелькали подмосковные поля, леса, озера. А уж сколько березовых рощ они проехали, не счесть! Береза – истинно русское дерево, тонкое, возвышенное и поэтическое. Ольга настоящий литератор и по профессии, и в душе, всегда тонко чувствовала природу. Институт свой она выбрала осознанно, никто ничего ей никогда не советовал. Она знала наизусть массу стихотворений и когда на уроке ей приходилось читать их детям, они всегда замолкали и внимательно слушали.

Вот и в этот раз, смотря в окно на заснеженные поляны и тоскующие поля, ей сразу же вспомнились строки из стихотворений С. Есенина о зиме, снеге, березах.

Природа на глазах менялась. На смену равнинам приходили степи, уже заснеженные и от того невероятно красивые. Белый снег слепил глаза, а ночью Оля и Анастасия Петровна любовались мириадами звезд, что сияли на темном ночном небосклоне.

Днем виды за окном тоже были замечательны. Кроны деревьев словно искрились серебром, когда выглядывало редкое солнышко. Небо казалось жемчужно-серым, а заснеженные поля под таким небом отливали фиолетовым цветом. Эти необычайно красивые виды из окна отвлекали Ольгу от мрачных мыслей о войне. Об Иване Оля беспокоилась постоянно.

Светлые, прозрачные, выцветшие от прожитых лет глаза Анастасии Петровны то ли от грусти, то ли от умиления наполнялись слезами. Но она старалась не показывать своей печали Оле и детям, понимая, сколько трудностей их ждет впереди. Она жалела дочь, видя, как та старается всем угодить, накормить, постоянно куда-то выбегает из купе. То чаю принесет всем горячего, то сидит продукты перебирает, следя за их свежестью, чтобы никто не отравился в дороге.

– Оленька, отдохни! Дети ведь заснули. Поспи сама в дороге немного, я послежу за ребятами, – то и дело говорила мать дочери. Но в ответ слышала все одно и то же:

– Я не устала, мама. Выплюсь ночью. Только бы все были здоровы!

На остановках Ольга выпрыгивала из поезда, строго-настрого запретив Наде выходить из купе. Сама же, накинув на плечи вязаную пуховую шаль, быстро подбегала к торговкам, стоящим у вагонов и торгующих скромной едой, нужной людям в дороге: горячей картошкой, хлебом, солеными огурцами, куриными крылышками и вареными вкрутую яйцами. Эта еда помогала бабушке Насте, детям и Ольге продержаться в пути и быть сытыми.

Много сложного, неподъемного свалилось на Олю как-то сразу. Она постоянно думала о муже Ване. Мать приучила ее с детства молиться и верить в Бога, и Оля имела маленькие иконки, которые держала всегда при себе. Она молилась об Иване, о здоровье матери, и, конечно, о детях.

«Надо только доехать до Люси, там все сложится хорошо», – внушала себе Ольга. Мысленно она дала себе слово: держаться!

Сестра Людмила была значительно старше Ольги и, выйдя замуж за Алексея, жила с мужем в Башкирии, в своем старом родительском доме. По профессии она была агрономом, и уход за собственным большим хозяйством был ей не в тягость.

Участок за домом был огромным, ухоженным, имелись и куры, и кролики, и индюшки, и даже корова.

Росли плодовые деревья, кусты с малиной, смородиной, ежевикой и крыжовником. Успевать только поворачиваться, работы всегда было много.

Так жили в тех краях. Никто не жаловался на обилие работ. Все с молодости были приучены к труду и раннему подъему. Корова поила всех собственным молоком – это ли не счастье?

Муж у Людмилы был хорошим, помогал во всех делах. Так и жили не тужили. Вот только Бог деток не дал. Но Люся смогла смириться с этой бедой; 2 раза в год отправляла племянникам в Москву посылки: банки с огурцами и помидорами, варенье из разных ягод, коробки с засушенными грибами и целебными травами. Конечно, простой посылкой такое не пошлешь. Не возьмут, не разрешат. Но Алексей всегда умудрялся найти человека на станции, едущего в Москву, и с ним передавал посылку. Там, на вокзале в Москве, огромную сумку посыльный передавал Ивану.

До войны, несколько раз летом Майские ездили с маленькой Надей в гости к Людмиле и каждый раз возвращались нагруженные. Как там хорошо отдыхалось! Тишина, покой! Действительно, воздух был целебным. Надя всегда после отдыха у тети Люси поправлялась и к концу лета подрастала на 3-5 см.

По мере приближения поезда к Уфе, пейзаж за окном стал заметно меняться. Деревья росли не такие, как в Подмосковье. Никаких березовых рощ здесь не было видно.

Все чаще встречались мощные кряжистые деревья. Бесконечные степи, которые тянулись часами, сменили небольшие горы.

Надя смотрела на качающиеся от ветра провода, потом взор ее устремлялся все выше и выше к небу. Привычных для нее воробьев и галок она не увидела, зато заметила какую-то большую птицу, размах крыльев которой ее очень впечатлил.

– Что это за птица? – обеспокоенно спрашивала Надя.

– Это, наверное, орлы, – отвечала бабушка Настя.

Но она вполне могла их путать из-за своего слабого зрения или просто по незнанию.

Затем черные горы и длинные степи стали заканчиваться, вдалеке уже мелькали заброшенные деревеньки и отдельные домики, стоящие у подножья невысоких гор. Поезд проезжал крошечные лоскутные поля, уже заснеженные, но ухоженные человеком. Через какое-то время появились крупные поселки, и дальше маленькие городишки. Поезд мчался все дальше и дальше. Видно было много отдельно стоящих групп домов, словно приклеившихся друг к другу. Около них росло большое количество рябин, густо украшенных замерзшими гроздьями красных ягод. По народной примете это говорило о том, что зима предстоящая будет очень холодной.

Из печных труб домов тянулся столбом белый дым высоко в небо, это говорило о том, что хозяева домов живут в тепле.

Ольга смотрела в окно вместе со всеми, и новые надежды на лучшее проносились в ее голову. Она часто вспоминала мужа Ваню, их любовь. Их души уже много лет были перепле-

тены намертво в единое целое. И это помогало ей, и наверное, Ивану выживать в эти трудные дни войны.

«Все будет хорошо», – внушала себе эту мысль Ольга, как молитву.

Наконец-то приехали. В самом начале платформы бабушка Настя и Оля сразу же увидели Люсю, махавшую им рукой, одетой в теплую узорчатую варежку. Раскрасневшаяся, красивая и веселая Людмила кинулась к матери и Ольге с поцелуями, одновременно обнимая детей.

Счастью не было предела! Рядом стоял Алексей и улыбался.

– Добрались! – громко и радостно кричала Люся. – Дорогие мои, любимые, – не утихал ее голос.

– Люсенька, здравствуй, родная! – всхлипнула Оля. – Все нормально. Все целы.

Все расплакались от счастья, что поездка позади, что все добрались здоровыми, в пути никто не заболел. Людмила быстро побежала к повозке с лошадыю. Лошадь стояла смирно, громко пофыркивая. Повозка представляла из себя деревянные сани, широкие и удобные, сверху на них лежали теплые меховые тулупы, чтобы накрываться ими в пути.

Сани выпросил в колхозе муж Люси Алексей. Их ему дали с удовольствием, не попрекая, понимая важность дела. Помогать другим людям во время войны стало обычным делом. Погрузившись в сани, закутав Надю и Олежку тулупами, усадив удобно Анастасию Петровну, все наконец уgomонились. Лошадка побрела по дороге, утопая в снегу. Алексей привычно управлял лошадыю.

Дети устали, разморились в теплых одеждах. Олег сразу же крепко заснул. Надя смирно сидела и с интересом рассматривала все вокруг. У них дома такое увидишь редко! Белое зимнее небо с чуть проглядывающей желтой луной, огромные сугробы вдоль дороги впечатляли девочку. Она воспринимала увиденное вокруг остро и чуть болезненно. Но красота снежных гор, тяжелые ветви огромных елок с свисающим с них снегом немного успокаивали Наденьку. От всего увиденного, от мягкого движения саней, качающихся влево-вправо на пригорках и ямах, Надю тоже стало клонить ко сну.

Ольга и Людмила разговаривали, наперебой перебивая друг друга. Их счастливые лица светились радостью от встречи, казалось, они не замечают ни холода, ни того, что брови и ресницы запорошил снег, пальцы ног окончательно заledenели, а по щекам текут слезы, замерзая на лице. Сколько новостей сестры успели поведать друг другу за время пути до дома!

– Как ты справлялась без Ивана? – беспокойным голосом спрашивала Люся. – Ведь ты же работала! Как мама? Какие лекарства нужны ей?

– Все нормально, – успокаивала ее Ольга. – Крутилась-вертелась, но справлялась. Мама мучается давлением, но у нас в запасе всегда есть пиявки.

– Да и у нас найдутся! – засмеялась Люся. – Озер и прудов здесь предостаточно, ты знаешь. Да и Алексей рыбак хороший, достанет сколько и когда нужно.

– Конечно, в чем вопрос! – засмеялся Алеша.

– Как вы живете? – в свою очередь забеспокоилась Оля. – Не стесним ли мы вас?

– Разве вы можете стеснить нас? – чуть обиженным голосом ответила сестра. – Вы ведь наши любимые, родные люди. Мы все продумали с мужем. Места в доме хватит на всех. Не волнуйся, все уляжется.

«Все будет хорошо! – мысленно, как всегда, вторила ей Ольга. – Лишь бы война закончилась, и Ваня уцелел».

Бабушка Настя только утвердительно кивала головой, слушая беседу дочерей. К счастью сестер, долгую дорогу Анастасия Петровна перенесла хорошо. Да и вообще все сложилось удачно! Все живы и здоровы!

Наконец подъехали к дому. Алексей быстро соскочил с саней и начал по очереди спускать на землю детей, Ольгу, помог вылезти из саней Анастасии Петровне.

Дети крепко выпались во время пути, крепко поспали, их щеки краснели от мороза. Надя, когда слезла с саней, сразу же пошла разглядывать лошадку, которая так смешно фырчала, дергала головой, топотала ногами на месте, намекая на угощение.

У дома лежал накрытый брезентом, запорошенный снегом стог сена. Из сеней дома Алексей вынес охапку свежего сена и покормил лошадь. От сена исходил какой-то необычайно вкусный запах свежести и мороза. Прежде такого запаха Надя не знала.

Гостям выделили небольшую, но уютную комнату. В углу стоял широкий диван для Ольги и Нади. У противоположной стены поставили железную кровать с панцирной сеткой для бабушки. Было конечно, тесновато, но все же, место для кроватки маленького Олега нашлось. Алексей сам смастерил для племянника деревянную кроватку – ровно под размер ребенка.

Как он смог правильно рассчитать размеры кроватки – неизвестно. Видимо, имелось какое-то чутье.

Рядом, на первом этаже, располагалась спальня Алексея и Людмилы.

На второй этаж к мезонину вела довольно узкая лестница. Но комнатка наверху была просто очаровательная. Здесь стоял деревянный рабочий стол для Ольги и Нади, которая на следующий год собиралась в школу. Здесь же на столе лежали цветные карандаши и бумага для рисования Наде. Впоследствии девочка часто сидела за этим столом и писала печатными буквами письма отцу на фронт. В конце каждого письма она рисовала крупную пятиугольную красную звезду. Она была уверена, что звезда папе непременно понравится.

Время шло быстро. Люся смогла заранее договориться о работе сестры в местной сельской школе. Место учителя русского языка и литературы, к счастью, нашлось. Конечно, денег платили мало. Но Ольга умудрялась по вечерам, сидя в комнатке мезонина в старом кресле, мастерить из разноцветных тряпочек фигурки мягких кукол. Этому ее еще в детстве научила мама. Кто бы мог подумать, что это ремесло когда-нибудь пригодится в жизни!

Куклы получались разные, красивые и не очень. Они все были разодеты в разноцветные одежды: платья, сарафаны, рубашки и брюки. Лица для кукол придумывали вместе с Наденькой, предварительно делая эскиз на листке бумаги. Как ни странно, Люся умудрялась их продавать на рынке у станции. Проезжавшие мимо поезда останавливались, и кучи народу высказывали из купе, чтобы закупить на рынке продукты, да заодно и подарок ребенку.

Стоили, конечно, такие куклы-самоделки очень мало, но все равно какой-никакой, а приработок.

На работе Ольга всегда перекусывала выданным ей Люсей пайком в пакете. Там лежали сухие ягоды и яблоки, орехи и сухарики. Еда эта была довольно калорийной и сытной. Так что чувства голода Ольга не ощущала.

Дети оставались на попечении бабушки и Люси. Алексей работал в местном колхозе, был мастером на все руки. Выручало и большое собственное хозяйство: куры, кролики, корова. Так что все постепенно налаживалось.

Кроме постоянной тоски по мужу Ивану, которая не покидала Ольгу никогда.

Письма от него шли очень долго. Первое время они приходили на старый адрес в Москву. А затем преданная Варя переправляла их для Майских в Башкирию. Иван уверял Ольгу, что война скоро кончится, но по сводкам, которые передавали по радио, ни о каком конце войны и речи не шло.

Осенью 1942 года Надя пошла в школу. Школа помещалась в небольшом кирпичном здании. Внутри помещений было очень чисто, на окнах стояли цветы. Пол в классах и коридорах постоянно намывала уборщица. Все уроки у Нади вела ее собственная мама. Дополнительно она еще вела русский и литературу в старших классах, которые учились во вторую смену. Было еще два педагога, они преподавали математику, физику, химию и другие предметы. Все было как положено, но учителей все равно не хватало.

Беспокоиться Ольге по поводу знаний Нади не приходилось. Она с раннего детства приучила дочку быть дисциплинированной и усердной. Да и от природы Надя была очень толковой для своего возраста. Вечером, сидя за проверкой тетрадей, Ольга повторяла с Надей пройденный материал. Дочка всегда радовала ее.

– Мама, – теребила Надя Ольгу, – я сама выучила все планеты! В кабинете географии валялся старый атлас, и мне так захотелось сходить в Планетарий!

– Здесь Планетария нет, конечно, Надюша, – отвечала Ольга. – Но когда мы вернёмся в Москву, после войны, обязательно ходим! Наберись терпения.

Ольга была хрупкого телосложения, небольшого роста, обладала красивой внешностью. Ее темные густые волосы с челкой на лбу очень украшали ее образ. Сзади волосы были схвачены у шеи заколкой или простой резинкой. Одевалась Ольга Павловна очень скромно. По ее внешнему виду можно было сразу понять – это настоящая учительница: строгая, умная, требовательная. На работу она надевала серые пиджачки, перешитые из старых драповых пальто, узкие юбки. Кофточки себе шила сама; когда-то в последних классах школы она прекрасно научилась шить. Хорошо, что у Люси сохранилась старая машинка «Zinger».

Единственное, чем Оля украшала себя, была старая мамина брошь из яшмы, которая представляла собой удачный срез камня, ее разноцветные полоски были удивительно красивы. Брошь Оля прикалывала себе на лацкан пиджака, она подходила под любую надетую под пиджак кофточку.

В душе Ольга была мягкая, добрая, очень внимательная к людям, любящая детей и слегка ранимая. Многие подпускала слишком близко к сердцу. Но внешне старалась не показывать этого.

Олежка подрастал, рос крепким, болел мало. Одно плохо: отца совсем не помнил. Но Алексей как бы заменил ему папу, они с Олегом крепко сдружились. Жить в Башкирии было спокойно, война не коснулась этих мест, но довольно бедно. Выручало всех собственное хозяйство и благодатный для выращивания овощей, картофеля, фруктов мягкий теплый климат.

Надя тоже росла быстро. Внешне она все больше становилась похожа на мать. Ее каштановые волосы Ольга заплетала в косу. Иногда из двух косичек она делала Наде две «бараночки» у ушей или переплетала их между собой, делая «корзиночку». Дети были ухожены, обуты и накормлены.

Частенько у Анастасии Петровны пошаливало давление. Но лечение пиявками явно помогало, справлялись сами. Пиявки вгрызались в шею бабушки, отсасывая лишнюю кровь, после чего ей явно становилось лучше. Надя издалека смотрела на эту процедуру с гримасой на лице. Внешний вид пиявок вызывал у нее некоторое отвращение.

В теплую погоду Люся выставляла на веранду стул для матери, и Анастасия Петровна часами сидела на воздухе, смотря вдаль на сопки каким-то долгим задумчивым взглядом.

– Бабушка, что ты там разглядываешь в небе? – спрашивала Надюша. – Опять орлов увидела?

– Да, наверно, это все-таки они. Как высоко парят в воздухе! Это хорошая примета! – отвечала добрым мягким голосом бабушка Настя.

Так прошло еще два года. Письма от Ивана приходили редко, но все-таки приходили. Главное, он был жив-здоров, и все мечтали о возможном отпуске Вани. В последнем письме Иван намекнул, что возможно ему дадут десять дней отпуска, полученного за отличное служение родине, за хорошую службу. Жалко только, что четыре дня у него уйдут на дорогу, но что делать! Главное, он увидит своих дорогих детей и любимую жену. «Как я жду нашу встречу! – писал Ваня, – Как люблю вас всех! Как соскучился по тебе, моя милая Оля, и детям! Иногда слезы сами льются от счастья, когда представляю, что вхожу в дом!»

Когда точно это произойдет, Ваня сам не знал. И предупредить о приезде ему было очень трудно. Но всё-таки это свершилось!

В один из долгих зимних дней, когда Ольга и Надя были в школе, Ваня добрался до дома, в котором жили родные. В поезде, когда он ехал до Уфы, он случайно разговорился с одним мужиком, который тоже жил в Глуховском. Узнав, что Иван едет в отпуск с фронта, мужчина проникся большим уважением к нему, долго расспрашивал о делах на фронте. Иван ему очень понравился, и он обещал всячески помочь ему добраться до села как можно быстрее.

Выйдя из поезда, попросив Ваню стоять на месте и никуда без него не уходить, Георгий, так звали мужчину, куда-то на время пропал. Через минут 15 он вернулся, веселый и довольный. Он смог договориться с начальником станции, что тот подбросит их на машине в село. Он долго и красочно стал объяснять Ивану, как на начальника повлияли его слова: «Боец с фронта в отпуск прибыл! Помоги другу!»

Георгий с Иваном уселись в «Уазик», и машина медленно поехала по сугробам в сторону села. Ваня до конца не верил своему счастью. Войдя в дом, он страшно напугал Анастасию Петровну и маленького Олега. Баба Настя никак не ждала увидеть зятя, и вся переполошилась:

– Оля-то, Оля с Надюшкой в школе! Вот радость-то будет! Как же ты добрался до нас, Ванечка?

– Добрался вот, – улыбаясь в усы, прошептал Иван, целуя и обнимая тещу. – Как вы тут, здоровы все?

– Стараемся! Оля вся исхудала с нами, столько дел у нее! Все о тебе волнуется, родной ты мой!

Ваня сидел на кушетке и не спускал с рук подросткового Олежку. За два года тот так сильно вырос!

– Сынок, папка приехал! – кричал Ваня, слегка подбрасывая Олега вверх.

Тут внезапно открылась дверь и в комнату сначала влетела Надюха и слегка ошарашенная Ольга. Наконец-то встреча состоялась!

Иван оставшиеся дни не мог нарадоваться, что он находится с родными и в тепле. Много ел, спал. Помог и с хозяйством, что смог успеть. Но особо ему ничего не давали делать. Дней оставалось все меньше и меньше.

По ночам в доме стояла полная тишина. Только слышно было, как ветка ели царапает по окну. За эту отпускную неделю Ваня слегка отвык уже от постоянного шума морских волн, качки и чувства тревоги. Лежа ночью в обнимку с женой, Иван тихо разговаривал с Ольгой, их пальцы переплетались между собой, он нежно гладил Олины волосы и шептал:

– Скоро должна война кончиться. Силы всех на исходе. Умоляю, только дождитесь меня и будьте здоровы. Я постараюсь выжить, а потом – все сделаю для вас. Моя любовь безгранична!

Оля, уткнувшись лицом в плечо Вани, чтоб он не видел ее слез, молча целовала его.

– Ванечка, мы молимся за тебя каждый день. Нет ни минуты, чтобы я не вспоминала тебя. Как хочется любви и мира!

Они еще долго не могли заснуть и, повернувшись на бок, оба смотрели в ночное окно, где на небе мерцали яркие звезды. Одна из них, Венера, планета любви, сияла больше других.

Прошли еще полтора долгих тяжелых года. Больше Ивана не отпускали в отпуск. Война закончилась 9 мая 1945 года.

Иван предупреждал в письмах, что примерно в середине или в конце мая будет дома. Главное, он был цел и невредим. Было несколько ранений, но все это в прошлом. Ольга засобиралась назад, в Москву. Дети за прошедшие три с половиной года подросли, Надя заканчивала начальную школу, Олегу уже было четыре года. Дороги назад Оля не боялась. За прошедшие годы она каждый день ходила в школу с Надей по опасной тропинке, шедшей мимо леса, в котором прятались сбежавшие из тюрем зеки. Психика ее закалилась, а уж узнав об окончании войны и скором возвращении Ивана, ей вообще все стало видаться в розовом свете. Счастьем ее не было предела: муж жив, дети здоровы!

Немного расстраивало Ольгу, что бабушка Настя наотрез отказалась ехать назад в Москву. Она захотела остаться в своем родном доме, в котором жила когда-то долгие годы, с семьей Люси. Она понимала, что дети будут расти и дальше и в их тесной квартире будет вообще не повернуться. Да и Люся уговаривала маму остаться. Благодатный климат Башкирии, целебный кумыс и свой огород хорошо действовали на здоровье Анастасии Петровны, она чувствовала себя здесь спокойно, комфортно и защищенно. Иначе и быть не могло, ведь это были ее родные места, где она родилась, выросла и прожила долгие годы. Зять ее, Алексей, очень хорошо к ней относился, любил как родную мать.

В Москву ехали, как показалось Оле, значительно быстрее. Мелькали, как в калейдоскопе, знакомые пейзажи, где преобладали поля и степи, поросшие ковылем и багульником. Поезд летел будто на крыльях. Было такое ощущение, что попутный ветер дул явно в сторону Москвы. Да и настроение всех ехавших пассажиров помогало. Дети уже свободно бегали по коридору вагона, считали часы до приезда и до встречи с отцом.

Стоял месяц май. Листья на деревьях уже позеленели. Ольга с вниманием и любовью рассматривала в окно знакомые пейзажи. Она любила Башкирию, где родилась и успела закончить школу. Через год после окончания школы Оля встретила Ваню и уехала с ним в Москву, где он родился и жил. Она сразу же поступила в областной педагогический институт, о котором всегда мечтала. Она с детства знала, кем хочет быть: только учителем!

На третьем курсе института у Ольги родилась Надюша, ей пришлось перейти на заочное отделение. Вот тогда-то к дочери и приехала помогать с внучкой Анастасия Павловна. К жизни в Москве Ольга привыкла быстро.

Она сильно любила своего мужа Ваню, их семейная жизнь складывалась счастливо. Рождение детей только укрепило их союз.

Ее лицо с чуть раскосыми карими с зеленой оболочкой глазами, которые выделялись на фоне каштановых, немного рыжеватых волос, привлекало своей красотой. К счастью, внешность Ольги передалась и детям. Да и Иван был явно недурен собой: статный, высокий, с мужественными чертами лица.

Оля непрерывно смотрела в окно. Поезд проезжал ее любимую речку Белую, в которой когда-то в детстве она часто купалась. Только тогда вода в реке ей казалась желтой, видимо она была мутная из-за илистого дна, и маленькая Оля не понимала, почему река называется Белой. Волны от ветра были сильными и в окне она заметила, как они прибывают к берегу маленькое суденышко. По кромке воды у берега бегали мальчишки, пытаясь сетками поймать мелкую рыбешку. Пейзажи вокруг завораживали ее воображение. Она невольно переносилась в воспоминания о детстве.

Так постепенно, под стук колес поезда она погрузилась в легкий, приятный сон. В ее воспоминаниях и видениях вставал их башкирский домик, яблоневый и вишневый сад, заросли благоухающего шиповника, дорожка, по которой бегали маленькие Оля и Люся. Моментами всплывало лицо мамы. Она была совсем молодая! Олины тонкие, фарфоровые руки обнимали голову, и по выражению лица спящей женщины было видно, что ей снится что-то приятное.

Разбудили ее дети.

– Мама, мама! – кричали они. – Дядя в коридоре сказал, что осталось ехать всего часа три примерно! Скоро будем в Москве!

– Да, – отвечала ласково Ольга. – Как только начнутся березовые рожи – считай, что скоро дома!

В окошке проплывали прекрасные пейзажи: реки, озера, леса. Плакучие ивы, наклонившиеся к воде, превращали пейзаж в красивую картину. Поля с только что распустившимся красными маками сливались в единое цветное пятно, радовавшее глаз. Но главное: небо было светло-голубое, прозрачное, безоблачное. Оно было мирное! В душе Ольги прочно поселилась надежда!

Наконец-то прибыли. На вокзале были толпы народу. Кругом стояли прибывшие с войны отвоёвывавшие мужчины.

Их встречали жены, дети, родственники с букетами цветов в руках. Все обнимались и целовались. Лица людей светились счастьем и радостью. Как долго всем пришлось ждать этого момента!

На перроне Олю с детьми встречала соседка Варя, которая заметно выросла и превратилась в красивую молодую девушку. Она помогла Ольге и детям вылезти из вагона, взяла в руки багаж и потащила чемоданы к нанятой ей машине. Никакая работа не была в тягость Варе с детства.

– Ой, мамочки, – запричитала Варвара, – как дети-то выросли! Олежка-то, когда уезжал, был совсем младенцем!

– Оля, война-то кончилась! – не унималась Варя – Какое счастье! И соседский Егор вернулся, помнишь его?

Тут Варя, не закрывая рот, стала рассказывать о всех новостях и событиях, что произошло за то долгое время, когда шла война. Кто погиб, кто родился, кто жив или умер за это время.

Ольга с замиранием сердца внимательно слушала ее. По ее щекам лились слезы. Ведь все эти люди, о которых рассказывала Варя, были хорошо ей знакомы. Главной новостью, о которой сообщила Варвара, было известие о том, что школа, где работала Ольга, сгорела. Но, к счастью, не вся. Может проводка старая была, может поджог – неизвестно. Школу вовремя успела потушить районная пожарная часть, помогали и мужчины, не попавшие на войну по разным причинам.

Сейчас школа отстраивается, но помещений, пригодных для занятий, не хватает. Есть надежда, что за лето местная власть с помощью энтузиастов успеет достроить школу к сентябрю. Пока приходится тесниться в маленьких комнатках старой школы, новых, заново отстроенных помещений пока нет.

Ольга, конечно, расстроилась. На работу ей надо выходить осенью, она надеялась сразу по возможности приступить к урокам. Проблем естественно было много. Страна после войны разрушена, надо ее заново восстанавливать.

Дом их, к счастью, стоял целый и невредимый. Варвара хорошо следила за их квартирой, периодически убиралась там и даже мыла окна. Немцы хоть и подходили близко к Москве, но на подступах получили сильный отпор и быстро были отброшены назад. Москва осталась нетронутой.

Дом Майских был, конечно, ветхим, старым, в помещениях было сыровато. Но в квартире Майских все было в полной сохранности. Их дверь в коммунальной квартире была плотно закрыта на замок все годы войны, периодически туда заглядывала только Варя. Войдя в подъезд дома, Оля первым делом навестила всех соседей, поздравила с победой каждого. За время войны все люди, оставшиеся дома, сроднились: их объединила война, общее горе, жили единой семьей, делия и еду и одежду, помогая друг другу во всем.

Только потом, немного отдохнув и попив горячего чая с Варварой, обсудив далеко еще не все рассказанные до конца новости, все кинулись убираться в доме. Помогала и Надя, и Варя, и Олежка. Даже при первом взгляде на общий вид комнат, было сразу видно: нужен ремонт. Ведь почти 4 года здесь никто не жил. Обои во многих местах отклеились и свисали клочьями.

«Надо срочно содрать старые обои и по возможности успеть наклеить новые, – подумал Ольга. – Да еще бы хорошо побелить потолок! Как успеть все это сделать до приезда Ивана?» – задавала она сама себе вопросы.

Осмотревшись хорошенько, Оля опять предалась мечтам: «Надо все поменять! Всем нужно место для работы, Наде нужен письменный стол для занятий, а там и Олег подрастет, тоже надо где-то заниматься. Может, все же подождать приезда мужа?»

Но ждать Ивана она не стала. А ринулась все делать сама. Руки ее как бы чесались. Сначала Ольга купила в лавке поблизости все, что надо для побелки: белила, новые ведра, кисти и даже специальные лопаточки-мастихины для работы. Но она не учла главного: ей не хватает роста, чтобы дотянуться до потолка. Подумав хорошенько, Оля пришла к выводу, что все-таки надо искать какого-то мужчину, чтоб помог. Одной ей все не осилить. Она так ослабла после долгой поездки в поезде, от переживаний за всех родных, от постоянного волнения за Ваню!

Как всегда, на выручку пришла вездесущая Варя. Она утешила Ольгу и пообещала, что постарается уговорить соседского Егора из другого подъезда помочь им. Он уже вернулся с фронта и сейчас отдыхает.

Он с руками, ногами, голова в порядке. «Справится! – заключила свой вердикт Варвара. – А мы будем на подхвате у него!»

Действительно, соседский Егор не отказался от помощи женщинам, наоборот, с радостью взялся за дело. Он строго посмотрел на заготовленные инструменты, что купила Оля, и молча покачал головой. По виду Егора было видно, что он выполнял уже такую работу прежде, знаком с ней.

Егору было так жалко смотреть на бедную женщину, да еще с такими маленькими детьми. Ему и представлять ничего не надо было, как им одним жилось без мужчины. Он отлично все понимал и видел по Олиному лицу, сколько ей пришлось пережить во время войны. У него у самого здесь оставались старые родители и сестра. Из Москвы они не уезжали. Во-первых, не к кому, да и некуда, во-вторых – возраст не позволял. Не доехали бы, да и в эвакуации неизвестно выжили бы или нет.

Здесь, в Москве, за стариками ухаживала сестра: и кормила, и лечила. Одно плохо – так и не вышла замуж. Все некогда было, да и не за кого. Все ушли воевать, оставались в основном старые да малые.

Вскоре Егор приступил к делу. Видно было, что руки мужчины истосковались по простой, мужской работе. Глаза Егора блестели и изредка с интересом поглядывали на Варвару.

«Надо начинать налаживать жизнь – думал он. – Сначала здесь сделаю, потом у себя дома». Надо признаться, делал он все с любовью и энтузиазмом. Через два дня потолок белел как первый снег! Женщины не могли нарадоваться.

– Дядя Егор, спасибо вам, – кричал, картавя, довольный Олежка. – А меня так научите?

– Обязательно. Только вот подрасти чуток и будешь своему папаше помогать.

У Ольги в голове назойливо вертелся вопрос: «Как она отблагодарит Егора?» Но Егор, глядя на исхудавшую женщину, сразу предугадал ее мысли:

– Денег никаких не возьму. Сделал, как умел, и все. Что я изверг какой, с родных соседей деньги брать? Последнее дело это. За вас-то и воевали. Чтобы все хорошо у всех было, – спокойно, вытирая руки от мела, заключил Егор.

Ольга с Варварой кинулись кормить Егора. Наварили щей, Варя быстро сбегала на рынок за хлебом, молоком, колбасой. На какое-то время она куда-то исчезла, но уже через 10 минут вернулась, неся в руках бутылку водки, настоящую на бруснике. Егор быстро все съел, и видно было, что остался доволен.

Егор был комиссован с войны раньше времени. Он получил тяжелое ранение в живот, но, к счастью, выжил, и полгода находился уже дома. Он был истинный сибиряк: жилистый, крепкий на вид, широкий в плечах, характер у него был покладистый. Горя на войне успел хлебнуть, насмотрелся на все ужасы войны и сам умудрился сильно пострадать. Еле выходили Егора в медсанбате, отвезли вовремя в райцентр, там его прооперировал хороший военный хирург. Здесь, дома, его правильно кормят и следят за ним его родители и сестра.

Обои в комнатах Ольга с Варенькой поклеили сами. Намазывать на них клей помогала Надежда. Расстелив длинные рулоны обоев на полу тыльной стороной вверх, Надя то и дело консультировалась у матери:

– Мам, правильно я делаю? А клей не очень жидкий? Что мне делать с комочками клея?

Сначала Оля спокойно отвечала на Надины вопросы, позже чуть раздражалась. Но все-таки пришла к выводу, что правильно она сделала, что привлекла Надю к работе. «Женщина должна уметь все, – думала Оля. – Хотя это и не совсем женская работа, но может пригодиться в жизни».

Вид стен в комнатах улучшался на глазах. Осталось только все расставить по местам, навести уют.

– Куда двигать шкаф? – интересовалась Надя. – К левой стене или к правой?

– Ничего не делайте сами! Надорветесь. Придет Варя, я вместе с ней подвину, – предостерегала Ольга.

Ольга понимала, что просить Егора двигать тяжелые шкафы нельзя. После операции ему это противопоказано. Они с Варей сами справятся.

– Мама, я начала гладить занавески, – радостно кричала Надя. – Я смогу, не волнуйся.

– Ну, давай, начинай, я освобожусь, помогу, – довольным голосом вторила Ольга. Она была рада такому порыву Надюши.

У всех было приподнятое настроение. В открытое окно доносились игра и песни гармониста, сидящего в садике. Песни были о победе, о будущей счастливой жизни. Цвела черемуха в саду, ее душистый запах дурманил головы людей. Ее крупные, белые гроздья так оживляли все вокруг, что хотелось постоянно петь и танцевать.

Основные работы в доме закончились. К вечеру вышли в сад, сияла полная, круглая луна. Сели на лавочку около ветвистой, разросшейся липы. «Как я счастлива! – подумала Оля. Все успели. Дети и я здоровы. Только бы поскорее вернулся Ваня!» По ее подсчетам, ехать ему в Москву примерно три дня. «Но неизвестно, когда отпустят Ивана? Здоров ли он?» – тревожные мысли все-таки крутились у нее в голове.

Детей Ольга уложила спать. А сама еще долго сидела в саду вдыхая сладкий запах черемухи, распустившихся повсюду вишен, яблонь и сливы. Ранние кусты жасмина тоже начали распускаться и издавали неповторимый приторно-вкусный запах. А уж что говорить про сирень! Она росла в каждом саду. Ее ветви сгибались от тяжелых сиреневых, белых, розовых соцветий. Звуки гармонистов были слышны с разных сторон, также как смех и счастливые возгласы. Как давно этого не было! Все больше и больше мужчин возвращалось с войны.

Однажды Ольга спокойно стояла за столом и расставляла тарелки, ложки и вилки к обеду. День был солнечный, окна в доме были нараспашку открыты. Занавески на окнах чуть колыхались от легкого майского ветерка. Комната дышала свежестью, чистотой и веселой болтовней бегающей по квартире Надюши. Олежа гулял в садике один, копался в песочнице. Ольга постоянно выглядывала в окно, следя за мальчиком.

Ольга не заметила, как в комнату открылась, и на пороге она увидела улыбающегося Ваню... с Олежкой на руках! Как потом оказалось, Ваня сразу узнал своего сильно подросшего сына. Он поднял мальчика на руки, тот в первый момент его, конечно, не узнал, немного даже испугался. Но позже видимо сообразил, кто этот человек, и крепко обнял отца за шею.

Ольга воскликнула от неожиданности, ложки и вилки выпали у нее из рук, стул упал, зацепив за собой скатерть. Она кинулась к мужу и, заплакав, крепко обняла мужа. Ваня подхватил Олю, закружил по комнате. Он целовал ее всю: и лицо, и руки, и волосы. Тут же побежала Надя с Олежкой. Иван схватил детей в охапку и начал безудержно обнимать и целовать их. Как все намучались за эти почти четыре года!

– Люблю, люблю вас! – почти кричал Иван. – Так ждал этого момента, родные мои! – По щекам его текли слезы.

– Ваня милый! Как мы рады, что дождались тебя! Любимый! – плача, шептала Оля.

Поговорить вдоволь они не успели, Иван плотно поел, переоделся и замертво, не сняв сапоги, свалился на стоящий рядом диван. Он заснул в ту же секунду, как лег. Сказалось, наверное, напряжение этих последних дней и дикая усталость во время пути.

Иван проспал весь день до 12 часов ночи, не просыпаясь. Затем внезапно открыл глаза и, потирая их кулаками, сонным голосом пошептал:

– Где я? Неужели дома?

– Дома, дома! – кричали дети и Ольга. – Теперь мы тебя никуда не отпустим!

Так началась новая жизнь в семье Майских, мирная и счастливая.

* * *

Поотдыхал Ваня недолго, всего-то два дня. Затем решил чуть поработать в садике у дома. Подправил завалившийся забор, попиливал лишние ветки у сильно разросшихся деревьев, покрасил снаружи фрамуги у окон белилами. Затем взялся помогать Ольге по дому. Они вместе повесили поверх новых обоев, наклеенных Ольгой и Варей, Надин любимый ковер с оленями, передвинули мебель, как хотела Оля, Ваня помог жене повесить новые занавески на окна. Иван привез с войны некоторые трофеи, подаренные ему другом, участвовавшим во взятии Берлина. Это были три замечательные вещи: шелковое японское покрывало на кровать, расшитое райскими птицами и сказочной красоты цветами, ветками цветущей сакуры и пагодами. Дети с интересом рассматривали рисунок на покрывале.

Они никогда не видели таких странных на их взгляд домов, с приподнятыми уголками крыш.

Вторая вещь впечатлила не меньше. Это была картина, свернутая рулоном краской вверх довольно большого размера. На ней был изображен неимоверной красоты зимний пейзаж. Написан картина была так искусно, реалистично, что все диву давались: какой большой мастер трудился над этим полотном!

На картине был изображен дремучий лес с искусно выписанными кряжистыми деревьями, заваленными огромными шапками снега. Лес был дикий, вдалеке лежали сваленные деревья от бывших ураганов или просто упавших от старости. Никто никогда не чистил этот лес. Но в этой дикости, первобытности было что-то настоящее, реальное, притягивающее взгляд. Между огромными дубами на первом плане протекал небольшой ручеек, уже замерзший от холодов. На него падали редкие лучи солнца и лед на ручейке переливался всеми цветами. Ручей был одним из светлых пятен на картине.

Дремучесть леса показана была темными пастозными красками, но, несомненно, главными акцентами в картине были белоснежные охапки снега, лежавшие на ветках деревьев. Белые пятна сугробов и снежных комьев на ветвях явно освежали полотно. Глядя на картину, в голове зрителя проносилась какая-то нереально красивая мелодия. Живопись перекликалась с музыкой! Но, может быть, это так казалось только Ольге?

Картина поражала своей реальностью, невероятной красотой, правдивостью. Глядя на нее, Ольга сразу поняла, что вещь эта – музейная редкость. Как и почему она досталась Ивану – пока было для нее загадкой. Где хранить эту реликвию, Ольга тоже пока не могла сообразить. Такие картины она видела прежде только в Эрмитаже или Третьяковской галерее.

Иван явно не до конца понимал всей ценности подарка. Он никогда не имел дела ни с какими ценными вещами, их просто у него не было. Как он смог довести эту вещь до дома, не потеряв в пути, сберечь от воров – удивляло Ольгу.

И третьей потрясающей вещью, что привез Иван, были морские часы, подаренные ему командиром военного корабля за военную службу, которые тот снял собственноручно со стены в рубке и принес Ване. Часы были особенные! Круглые, в металлической оправе под толстым стеклом. Особенностью их было то, что на циферблате были изображены 24 цифры, то есть все

часы суток. Сначала было странно смотреть и привыкать к этому циферблату. Но постепенно все свыклись, и часы эти стали неотъемлемой частью обстановки в доме Майских.

Служить дальше и быть моряком в мирное время Иван не хотел. Это было не его, он не родился на море, как большинство потомственных моряков. Иван вернулся на свою прежнюю работу, на родной «Компрессор». Возвращению Вани на завод все были крайне рады. Работников не хватало, многие не вернулись с фронта, работы было – хоть отбавляй. Его сразу же назначили начальником цеха. Глаза Ивана горели радостью и любовью, когда он принялся за любимую работу.

Все постепенно вставало на свои места. Ольга вышла на работу в свою родную школу, которую власти все-таки успели отремонтировать и достроить новые площади к 1 сентября. Надежда пошла уже в 4 класс.

Наступила осень, любимая Ольгой золотая ее пора. За Олежкой до прихода Нади из школы присматривала Варвара, которая практически всегда находилась дома, работая машинисткой, она печатала тексты на пишущей машинке, стоящей у нее в комнате. Два последних класса Варя, разумеется, отучилась и закончила школу. Немало трудов для этого приложила Ольга, которая в каждом письме из Башкирии умоляла Варю осилить это большое дело. Для Вари Ольга всегда была образцом и кумиром, и, хоть и с трудом, она получила среднее образование.

Не прошло и месяца, как Иван проработал на заводе, как вдруг он огорошил Ольгу новым известием:

– Оленька, я тут думал-думал и надумал идти учиться дальше. Без высшего образования сейчас никак. Слышал, что фронтовиков берут в вузы охотно, не мучая сложными экзаменами. Вот я и подал документы в заочный Машиностроительный институт. Буду инженером: не хочу отставать от тебя! Оба будем дипломированными специалистами, а что? Как ты к этому относишься?

– Ну ты даешь, Ваня! Только сил стал набираться, еле откормила тебя, а ты уже дальше рвешься работать! Может, годик повременишь?

– Нет, я все решил уже. Буду заниматься по вечерам. Сессии всего 2 раза в год. Осилю! Не сомневайся!

– Я и не сомневаюсь! Раз решил, учись, пока молодой! Я постараюсь помочь, чем могу.

Ольга слегка занервничала за мужа: сколько сил еще отнимет учеба! Но в душе она понимала, что тот выбрал правильный путь.

Однажды вечером, когда было уже поздно, все поужинали и читали книги, а Иван учил Олега буквам, в дверь квартиры постучали. Это было очень странно. Майские никого не ждали так поздно. Может быть, к Варе пришли ухажеры? Но выглянувшая на стук из своей комнаты Варвара тихо проговорила:

– Я никого не жду. Дядя Ваня, поглядите в окно сначала.

Время на дворе было опасное, кругом шаталось много всякой шпаны, беспризорники шныряли по подвалам, воровали еду, выклянчивали деньги, разносили инфекции. Орудовали под Москвой и бандитские группировки. Ваня не раз предупреждал всех, чтобы вели себя осмотрительно. Воров и рецидивистов после войны расплодилось множество.

Иван выглянул в темное вечернее окно. Ничего не было видно из-за разросшихся ветвей деревьев. Только огромная белая луна освещала часть лестницы, ведущей к двери. Смутно различался силуэт какого-то мужчины.

– Не открывай! – со страхом в голосе зашептала Оля.

– Не бойтесь! Я все понимаю. Попытаюсь выяснить, кто это там.

За дверью был слышен топот шагов: тяжелый и глухой. Стучали в дверь несколько раз. Наконец стал различим голос за дверью.

– Иван, открой дверь, пожалуйста. Это Степан, мы с тобой вместе воевали. Не бойся, это я. Мне идти некуда.

Иван приложил ухо к самой двери, и наконец-то он четко расслышал слова говорящего человека. Он узнал голос Степы.

– Степа, ты? – закричал резко Иван. – Открываю!

Ольга со страхом смотрела на мужа, но тот дал знак, чтоб все успокоились.

– Свои, не бойтесь, – произнес тихо Ваня.

Иван осторожно открыл защелку на двери. В полутьме он с трудом узнал стоящего на пороге друга, с которым во время войны съел пуд соли.

– Степка, дорогой! – кинулся Иван к другу. – Живой, черт! Как я рад! – продолжал он с восторгом.

– Да вот видишь, живой! Только руку сильно «поцарапало». Степан показал на левую руку, ниже локтя был пустой рукав гимнастерки: рука была оторвана снарядом.

– Ох, какая жалость! Как же тебя угораздило? – участливо причитал Иван, обнимая и усаживая Степана на диван. Тот молча и тупо уставился в ночное окно.

– Ну, ничего, главное, голова цела и сердце стучит. Как ты нашел меня? Долго ехал? Почему идти некуда? – сыпал вопросами Ваня, с жалостью и любовью смотря на друга.

Тут в комнату вошли Ольга и дети. Степа встал, поклонился и дружелюбно познакомился с Олей и детьми. Мужчины вдвоем удалились во двор и долго о чем-то переговаривались.

Через какое-то время Иван вошел в комнату и вкрадчивым голосом, как бы извиняясь, спросил Олю:

– Оля, Степе негде жить. Его родители погибли во время блокады Ленинграда от голода. А дом их через какое-то время разбомбили. Власти обещают обеспечить жилплощадью, подыскать что-то подходящее. Но не раньше, чем через 2–3 месяца. Он очень ослаб за последнее время, слишком много горя и нервов пережил по поводу жилья пришлось пережить за это лето. К тому же он весь июнь и июль пролежал в госпитале, силы его и психика на пределе. Ему, конечно, нужен покой и какой-то уход. Я оставлял ему наш адрес на всякий случай. Он сначала даже не хотел брать его. Но вышло так, что кроме меня, ему и обратиться не к кому. Жалко его, хороший парень. Не повезло страшно. И полруки лишился, и старых родителей, и жилья в придачу. Неужели мы не поможем?

Ольга вся встрепенулась, стала обнимать Ивана, гладить по голове, по плечам. По лицу ее текли слезы, которые она не успевала вытирать.

– Да как же не помочь, Ванечка? – сквозь слезы еле шептала Оля. – Поможем, чем можем. Вижу, что Степан хороший человек, да и не в этом дело.

– Очень хороший, – отвечал Ваня. – Скромный интеллигент из Ленинграда, прежде работал в конструкторском бюро. Семья у него из потомственных питерских инженеров. Да и мы со Степой сразу же подружились, как встретились на сборах в Прибалтике.

– Он поживет у нас недельку-две, ладно? – продолжал Иван. – Пока я постараюсь ему какую-нибудь работенку временную подыскать, а может быть и жилье даже. Думаю, он сильно не стеснит нас.

– Да, да, – ответила спокойно Оля, – Вы со Степаном ложитесь в бабушкиной комнате. Не забудь только взять раскладушку. А Надю с Олегом я возьму к себе в комнату. Наговоритесь там вечерами со Степой вдоволь.

– В тесноте, да не в обиде, – тихо добавила она.

Так Степан поселился у Майских.

Через какое-то время Ване удалось пристроить друга у себя на заводе учетчиком. Хорошо, что правая рука у него была здоровая. С общежитием у Ивана пока не получилось, ночевал Степан у Майских дома. За прошедшую зиму Степан окреп, отвлёкся от ужасных

потеря, подработал денег, разузнал все о новой квартире в Ленинграде, что ему обещали выделить.

Власти не подвели. Ему выделили три небольшие комнаты в хорошем доме, к счастью не забыв учесть, что старая его квартира была очень большая и хорошая. Степан поблагодарил друзей за приют, за все хорошее, что Майские сделали для него. За это время их семья стала для него словно родная. Через какое-то время Степан уехал к себе в Ленинград. Обещал часто писать, приглашал к себе, как обустроится.

Время летело быстро. Дети росли, Иван учился заочно, вечером, много читал и чертил. Проблем прибавлялось. Ивану нужно было собственное рабочее место для черчения, специальный отдельный стол. Денег в семье стало не хватать. Средства нужны были и просто для жизни, но и на отправку в Глуховское денег для лечения Анастасии Петровны.

Мама старела, чувствовала себя неважно.

В редких письмах Люся писала, что мама стала редко выходить на улицу, плохо видеть и ходить. Люсе становилось все труднее ухаживать за ней. С деньгами у них стало плоховато. Лекарств для матери доставать стало все труднее и труднее. Послевоенное время там, в Башкирии, было не легкое, не легче чем в саму войну. Мужчины многие погибли на войне, а подросшие юнцы, которых не взяли из-за возраста в армию, почти все уехали работать и учиться в Уфу, а кто и в Москву, да там и осели.

Как-то Ольга, убираясь в комнатах, под матрасом в кровати Нади увидела лежащий на панцирной сетке альбом для рисования с очень неплохими рисунками. Она была очень удивлена: почему Надежда никогда раньше не показывала ей этот альбом?

Сев поудобнее в кресло, Ольга начала перелистывать страницы с рисунками. Наброски человеческой фигуры в разных позах, натюрморты акварелью, пейзажи карандашом гор, моря, явно вымышленные, которых Надя никогда не могла видеть; смешные фигурки разных зверушек, птичек, дельфинов и других животных – поразили мать.

«Какая у меня подрастает дочь! Ведь ей нет еще и двенадцати! – подумала Ольга. – И литературу любит, и музыку обожает. Почему я не знала о рисовании? Почему эти рисунки Надя скрывает от меня?»

Рисунки Нади и правда были явно хороши. Ольга не ожидала от дочери таких талантов. Конечно, видно было, что нужен педагог, направляющий девочку, научивший бы ее азам рисования и живописи. Нужны книги по искусству, которые обожала и сама Оля. Но на все нужны лишние деньги! Но пока Оля слегка расстроилась, что у Надюшки есть от нее тайны.

Через несколько дней Ольга решила на разговор с дочерью:

– Наденька, я случайно нашла папку с твоими рисунками, когда убиралась. Мне очень они понравились.

– Что ты, мама, – прощепетала Надя. – Это проба пера, ничего особенного в них нет. Не придавай этому значения. Я и показывать их кому-то стесняюсь. Так иногда тянет, люблю очень живопись. Стала замечать, что мне очень нравится рассматривать картины художников. Жалко, у нас мало дома литературы на эту тему. Да и в школьной библиотеке ничего вообще нет.

– Подожди, – чуть перебила Ольга. – Теперь я буду знать о твоем увлечении. Все, что смогу достать – достану. Я сама люблю альбомы с репродукциями. Будем вместе покупать их, если увидим в продаже. Это очень интересное занятие!

– Как я рада, что у меня растет такая умная, увлеченная искусством дочь, – добавила с радостью в голосе Ольга и чмокнула Наденьку в макушку.

Надя явно переняла от матери любовь к литературе и увлечение живописью. Оля обожала литературу и картины разных художников, часто ходила до войны в Третьяковскую галерею. Но, к сожалению, книг по искусству совсем не продавалось. А если и находились, то стояли они очень больших денег. Сейчас стояло на дворе не то время, чтобы наслаждаться картинами.

Страна была в полной разрухе. Надо было восстанавливать разрушенное хозяйство, что уж тут говорить об искусстве.

Хорошенько подумав, Ольга решила по воскресеньям возить Надю в Третьяковскую галерею, знакомить ее с картинами. Она как раз подросла для этого занятия. И очень повезло им, что при входе в фойе был расположен киоск, где продавались открытки с репродукциями картин разных художников, в основном передвижников. Постепенно у Надюши собралась целая коллекция таких открыток.

Ольга любила и музыку. Пластинок в доме собралась уйма. Но они были все старые, заезженные, оставшиеся еще от матери. Хотелось чего-то нового и из классики, и из эстрады. Но пока на поездки за пластинками никак не хватало времени.

Время летело вперед. В 1949 году вошли в производство первые телевизоры КВН. Это было прорывом, новинкой, счастьем! Теперь людям можно было смотреть телепередачи, транслируемые с телебашен на Шаболовке! Собрав скопленные деньги, Иван с Ольгой поехали за покупкой телевизора.

Ехать было совсем близко, универмаг «Краснопресненский» находился не так далеко от их дома. Погрузив телевизор в машину, наконец-то доставили его домой! Радости не было предела!

Новенький, из полированного дерева, аппарат стоял теперь у них в комнате на тумбочке. Эта была первая серьезная, к тому же далеко не дешевая, покупка в семье. Телевизор был маленький, к нему подставлялась стеклянная пузатая линза на длинных согнутых ножках, направленных под телевизор. Линза была наполнена дистиллированной водой, но видимость была все равно мелковата. Но это не имело никакого значения! Другого еще пока люди не знали.

Все близко пододвигали стулья к телевизору и утыкались носом в экран. Мало того! Приходила и соседка Варвара со своим женихом Егором из соседнего подъезда, у них КВНа не было. Места всем хватало. Варвара с Егором правда больше обнимались и целовались во время просмотра, сидя в самом последнем ряду перед телевизором. Но это не имело никакого значения.

Время неумолимо несло, проблем у всех прибавлялось. В 1950 году Надежда заканчивала уже 8 класс. Надя быстро выросла, была внешне и внутренне сильно, похожа на мать. Росла правильным, послушным ребенком. Она помогла матери во всем: и убирать по дому, и готовить, и даже хорошо научилась шить. Это умение было очень важным в настоящее время. Мама Оля научила дочь перелицовывать старые вещи. Но Надежде, как любой молодой девушке, хотелось большего – уметь шить самой себе новые, модные и красивые вещи. Правда, не хватало выкроек, но в последнее время они стали иногда появляться в Краснопресненском универмаге. Хорошо, что старая бабушкина машинка их не подводила. Она была хоть и довоенная, но, к счастью, не ломалась. Ольга часто ей пользовалась и не могла нарадоваться.

Как-то раз, в марте, Ольга с Наденькой решили выбраться в город, наконец-то нашли время посетить все тот же универмаг, но уже без спешки выбрать то, что им было надо. А надо им было очень немало: и пластинки последних лет, и канцелярские товары для учебы Олега в школе. Но главное, надо было купить отрезы ткани для Ольги и для Нади, которая собиралась на выпускной вечер восьмиклассников в школе.

С вязанием у Оли и Нади было все в порядке, обе преуспели в этом деле. Оля научилась этому еще во времена их эвакуации, в Башкирии, где было много овечьей шерсти. Местные бабульки делали из нее длинные нити – пряжу и разноцветные клубки из них продавали на местном рынке. После войны Людмила часто присылала сестре эту пряжу для вязания. Так что дети и муж, все были обвязаны сверху донизу. Красивые свитера и безрукавки с узорами на груди носили все ее домочадцы, да и она сама. А вот с шитьем было сложнее.

Мать и дочка решили сесть на трамвай, идущий до универмага, идти пешком было неприятно, на улице было сыро. На улице шел дождь со снегом. День был серый и тусклый. Ольга смотрела в окно трамвая. Звук качающихся проводов от ветра напоминал ей своим скрипом какую-то старую, забытую мелодию. Хлопья мокрого снега полностью залепили окно. Видимость была плохая. Но когда они вышли с подножки трамвая на землю, погода начала внезапно меняться.

Небо чуть посветлело, кое-где на небе появились кусочки живой трепетной синевы, проглядывающей сквозь облака. Все-таки весна брала свое и спешила побороть холод и мрак.

Густая челка Ольги была вся покрыта крупными снежинками, на ресницах ее лежали крупинки снега.

– Мама, какая ты красивая сейчас! – засмеялась Надя. – Прямо как Снежная королева из сказки!

– А ты – моя принцесса! Сейчас накупим тебе самых лучших материалов для платьев. Выбирай, что хочешь! Будешь самой нарядной на празднике.

Ольга действительно в последнее время выглядела хорошо. Она успокоилась, жизнь вошла в правильное русло. После войны прошло уже целых 5 лет. К тому же ей очень шла ее новая прическа. Ольга отрезала свои длинные волосы и подстриглась под «каре», что придавало ей явное сходство с поэтессой Мариной Цветаевой, творчество которой она очень любила. Густая челка в пол-лица молодила ее и придавала внешности некий шарм.

Мать и дочь сошли с подножки трамвая прямо у входа в универмаг. Снежная крупа, посыпанная солью дворниками, скрипела у них под ногами. «Это последний снег в этом году, – подумала Оля. – Скорей бы наступила весна!»

Радостные, предвкушающие приятные подарки, женщины кинулись сразу в отдел тканей. Народу там толпилось много. В основном, конечно, женщины. На прилавках лежали огромные рулоны разных отрезков тканей. Выбор был неплохой. Плотные ткани для штор, ситец, сатин, плюш, драп, шерсть и много всего хорошего. У Оли разгорелись глаза. В голове судорожно замелькали мысли. Она сразу же представила, как сядет на свой любимый «Зингер» и застроит на нем. Надя, ее любимая дочь, будет на праздничном вечере самая красивая!

Взглянув на Надюшу, Ольга сразу же перестала улыбаться.

– Что случилось? – обеспокоенно спросила Ольга, увидев расстроенное лицо дочери.

– Ты посмотри на цены! – застонала Надя.

– У нас не хватит денег на отрез ни на мое платье, ни на твое! – печально простонала Надежда. – А еще хотели что-то Олежке купить, не говоря уж о пластинках и книгах! Что будем делать? Поедем назад? – чуть не плача продолжала Надежда.

– Подожди, давай разберемся! Успокойся сначала, возьми себя в руки, – нежно проговорила Ольга и стала гладить Наденьку по голове. – Мы еще ни во что не вникли, не разобрались. Что раньше времени расстраиваться? – пыталась успокоить мать дочку.

Долго они еще стояли у прилавка, рассматривая ткани, приценивались. Наконец остановились на отрезе для блузки Надюше. Ольга разбиралась в современной моде. Она умудрялась с большим трудом доставать кое-какие журналы мод через своих подруг-учителей. И конечно, ее выручало то, что она умела вязать. Вязаные вещи и для мужчин, и для женщин всегда были в моде. В крое одежды конца 40-х годов – начале 50-х господствовал минимализм и отсутствие большого обилия каких-то декоративных элементов. Цветовая гамма не отличалась разнообразием. Еще многое напоминало о голодных военных годах. Чаще всего молодые девушки выбирали горох или мелкий цветочек. Очень распространенным элементом одежды стала юбка-карандаш, которая была очень узкой и чуть ниже колена. Модны стали и белые воротнички, и манжеты.

Они пришивались к платьям или цветным блузкам.

Наконец остановились на голубом отрезе из батиста в белый горошек для блузки Надюше. Дальше Ольга стала рассуждать про себя: «Белый воротничок к блузке я смогу связать на тонких спицах из белого хлопка, кружевной, легкий. Сделаю его ажурным и изящным. Или можно попробовать завязать спереди крупный белый бант из атласа. Вот будет здорово! Кофточка подойдет к широкой до колен синей юбке из тонкой шерсти на корсете». Ольга быстро обсудила этот вариант с Надей, и та осталась довольна.

– Что же купить себе? Может, обойдусь? – советовалась Ольга с дочкой. – Но та и слушать ничего не хотела и заставила маму купить себе отрез на юбку из темно-синей шерстяной ткани.

Мать и дочь остались довольны своим выбором. Ольге юбка нужна была для работы в школе. Учительница должна выглядеть строгой и опрятной, и модной одновременно. Дальше они кинулись на второй этаж универмага, где продавались канцелярские товары и книги. Для Олежки купили карандаши, акварельные краски, линейки – то, что нужно для школы. А вот насчет покупки альбомов по искусству было плохо. В наличии имелась только одна книга – альбом «Третьяковская галерея», да и та с черно-белыми блеклыми иллюстрациями. Подумав, Ольга все-таки решила взять этот альбом. Она видела, как у Наденьки разгорелись глаза. На пластинки денег не осталось. Но Оля решила, что в другой раз Надя уже одна сможет съездить за ними в универмаг. Путь теперь к магазину она знает, сможет справиться одна.

Придя домой и разложив отрезы тканей на кровать, и Оля, и Надя одновременно вскрикнули:

– Купили почти все синее и голубое! Какой у нас одинаковый вкус! Как все красиво смотрится!

Разумеется, все это получилось как-то подсознательно. Ольга часто одевала с детства Надежду в синее. Почему-то ей казалось, что этот цвет очень подходит к облику и цвету волос дочери. Но к тому же она каким-то внутренним чутьем чувствовала, что этот цвет помогает ей в жизни, может быть, даже оберегает.

Ольга, как учитель литературы, прочитавшая массу книг, знала, что в Древней Руси синий цвет считался как цвет Богоматери. В древности слово «синий» определяло не цвет как таковой, а означало «сияющий словно молния».

Для получения всех оттенков синего (от темно-синего до небесно-лазоревого) использовался редкий и очень дорогой природный пигмент – ляпис-лазурь.

Синий цвет часто использовался и в одеждах святых на иконах, им покрывали купола церквей, символизируя небо и веру. Но читать обо всем этом, разговаривать на такие темы в это время было не принято.

Некоторые интересные вещи рассказывала Оле и Анастасия Петровна, но как-то скрытно, боязливо. Каждый раз предупреждая Олю, чтоб помалкивала. Да и знала то она очень мало, так, по мелочам. Только через какие-то русские народные поверья, дошедшие с древних времен. Тогда люди были религиозные, наблюдательные. Они сохраняли традиции предков, отмечали все религиозные праздники, верили в приметы и знаки.

Обновки, сшитые Олей для себя и Нади, были великолепны. Праздничный вечер в школе прошел шумно и весело. Не все ученики захотели учиться дальше. Многие ушли в профессиональные технические училища, девочки в швейные или кулинарные, некоторые в медицинские училища. Разумеется, Надежда собралась учиться в школе еще два года, этот вопрос у них в семье даже не обсуждался.

Быстро пролетали дни, а недели превращались в месяцы. Наступил 1952 год, когда Надюша заканчивала школу. Олегу шел уже 12-й год. Впереди уже маячил выбор наряда для Надежды на выпускной бал в школе. За эти два прошедшие года в моде изменилось многое.

Теперь в моду вошли покатые плечи, округлая линия груди, осиные талии и широкие расходящиеся книзу, как чашечки цветка, юбки. В 50-е в моде царил идеал пышнотелой, статной красавицы. Тогда как худышек не очень жаловали: слишком уж они напоминали о войне.

Идеалом считалась тонкая талия и стройные ноги. Юбка-карандаш также оставалась в моде. Чтобы расклешенные женские юбки были широкими, как раскрывшийся бутон цветка, под них одевались несколько жестких, накрахмаленных нижних юбок.

В эти годы по всему миру вышли новые фильмы: «Римские каникулы», «Как выйти замуж за миллионера», «Серенада солнечной долины», «Сестра его дворецкого», «Под небом Парижа». Они не сразу доходили до советских зрителей, а медленно и постепенно внедрялись в советский прокат. Отголоски о фильмах, пересказы, закрытые показы, конечно, имели место. Фасоны западной моды, разумеется, доходили и до наших модельеров. Появилась возможность сдирать фасоны с зарубежных актрис. Чуть позже голливудские фильмы появились на советских экранах.

У мужчин главенствовал жилет. Он шился и потом одевался обязательно под пиджак. Причем жилет шился из той же ткани, что и костюм. С 1952 года такой стиль распространился на всю мужскую моду, и диктат серого цвета постепенно стал сходить на нет.

На выпускной вечер для Нади был сшит портнихой с подачи Оли и Нади потрясающий наряд. Юбка была сильно расклешена, как колокольчик. На талии – тонкий ремешок голубого цвета. У платья имелся воротничок рубашечного типа и короткие рукава с отворотами. Воротник и рукава были оторочены голубой бейкой. Само же платье было белого цвета. V-образный вырез заканчивался рядом мелких перламутровых пуговиц, идущих от талии.

Очень модно в то время было одевать белые короткие перчатки под цвет туфелек. Но, подумав, решили их не покупать. Надя стеснялась их одевать. «Вот и дочка выросла, – рассуждала про себя Ольга. – Красавица! Что ее ждет впереди? Надо будет послать обязательно в Башкирию маме и Люсе фото Нади с выпускного бала. Пусть тоже порадуются!»

Никто не ожидал, что никого не предупредив (кроме Ивана, конечно), внезапно к Майским нагрянет из Ленинграда Степан. Он очень соскучился и хотел повидаться с друзьями, тем более в такой знаменательный день. Степа приехал с подарком для Надюши. Он открыл бархатную коробочку перед ее глазами и торжественно преподнес ее девушке. У Нади разгорелись глаза. Что там? Медленно и осторожно, она с содроганием сердца открыла перевязанную красной лентой коробку. О, боже! Перед ней лежала нитка мелкого жемчуга! Как раз под пуговицы на платье! Как дядя Степан угадал? Она, чмокнув Степу в щеку, побежала к зеркалу примерять бусы.

Все вместе пошли провожать Надежду на вечер. Степан сиял от радости, что бусы понравились и подошли. Он так и не женился до сих пор, детей, конечно, у него не было. В своей новой квартире в Ленинграде он давно уже все обустроил, сделал хороший ремонт, обзавелся хозяйством, кое-какой обстановкой. Он очень скучал по своим друзьям Майским из Москвы. Все время звал их к себе погостить, посмотреть достопримечательности города, которых там было не счесть.

Над поступлением в институт долго голову не ломали. Аттестат у Надежды был очень хороший. В школе все хвалили девушку. И решение пришло и к Наде, и к Ольге уже давно: только педагогический институт! В свое время Ольга из-за раннего рождения дочери, тяжелого времени закончила заочный областной институт. Для Надежды выбрали институт в Москве, дневное отделение.

«Пусть Надя знает литературу на высшем уровне, перечитает все книги, и по искусству тоже, – мечтала про себя Ольга. – Вон сколько библиотек открылось! Читай не хочу!»

На разведку в МГПИИ им. Ленина решили поехать вместе. Здание института находилось на Малой Пироговской улице и поразило Надежду и Ольгу своей красотой.

Главный корпус института был возведен в 1913 году и выполнен в сравнительно редком для Москвы стиле неоклассицизма. В фойе главного корпуса выступали видные политические деятели, ученые, поэты, музыканты. Среди них были В. Ленин, В. Маяковский, М. Горький, С. Есенин, А. Блок, И. Бунин, актриса М. Ермолова, Ф. Шаляпин и другие. В этом необыч-

ном здании снимались художественные и документальные фильмы. Все эти подробности Надя узнала, конечно, только во время учебы.

Пока что мать и дочь были шокированы внешним и внутренним обликом здания. Надя мечтала стать, как мама, учителем русского языка и литературы. Она ежедневно видела перед собой пример матери, пример преданности школе и ее ученикам.

Экзамены Надежда сдала на отлично. Попала она в необычный студенческий коллектив, где учились интересные творческие личности. Это в дальнейшем наложило отпечаток практически на всю ее жизнь. Выбор был сделан правильно.

Оставалось две недели до начала занятий в институте. Как раз в это время Майские и собрались поехать в Ленинград в гости к Степану, познакомиться с городом. У Ольги и Ивана были как раз отпуска, Олега отправили на вторую смену в пионерский лагерь в Подмосковье. Он рос очень коммуникабельным ребенком, и ему очень нравилось в пионерлагерях. Уж он точно не стал бы проситься назад домой или плакать, как делали некоторые мальчишки, маменькины сыночки.

Все было нормально в семье Майских до тех пор, пока внезапно в дверь их коммунальной квартиры не постучал почтальон и не принес телеграмму из Башкирии. Почтальонша стояла на пороге квартиры с опущенными глазами, вся понурая и стыдливая.

– Что, Нюра? – вскрикнула резко Ольга. – Что случилось? Говори!

Нюра молча, не поднимая глаз, быстро всунула в дрожащие руки Ольги телеграмму. Ольга боязливо взгляделась в напечатанный текст.

Телеграмма была от Люси из Башкирии. В ней сообщалось о смерти любимой мамы Анастасии Петровны. Ольга медленно, теряя силы, стала оседать спиной по стенке на пол. Обморочное состояние длилось несколько секунд. Потом, придя в себя через какое-то время, она как-то вся встрепенулась и, закрыв слабыми руками свое побелевшее лицо, сильно, в голос, зарыдала.

– Зачем я оставила маму в Глуховском? – сквозь слезы кричала Оля. – Она тосковала без нас. А ей нельзя этого из-за ее гипертонии! Разве можно было лечиться только пиявками? – кричала Оля.

– Ты не виновата, – горячо произнес Иван. Подхватив жену подмышки, бережно подняв с пола, он посадил Олю на кровать. – Виновата война, время, отсутствие лекарств и старость. Успокойся, родная, возьми себя в руки. Не надо пугать Надюшу.

Майские решили ничего не говорить пока о бабушке Олежке. В Башкирию поехали все, включая Надю, но без Олега. Поручив присмотреть за Олегом уже вышедшей замуж за Егора Варваре, майские стали собираться в дорогу. Олег до самого конца августа должен быть в лагере, а на родительский день к нему съезжают Варя с Егором, им это нетрудно.

Иван смог достать билеты на поезд, уходящий в этот же день. Все рассчитав, отослав телеграмму, чтоб их ждали, все отправились в путь. Всю дорогу глаза Ольги застилали слезы, в голове ее пронеслась вся ее жизнь рядом с мамой. Но последние пять лет она не видела мать, и это ее очень угнетало. Иван старался отвлекать жену разговорами и всячески опекал.

У Людмилы к похоронам все было готово. Анастасия Петровна все заранее приготовила. Она была верующим человеком и знала, что усопшего надо провожать с повышенным вниманием, следя, чтобы в мир иной покойник ушел в своих лучших нарядах. Обычно это был свадебный наряд, который хранили в доме всю жизнь. И который был самым красивым за всю жизнь человека. Но у Анастасии Петровны как такового и не было. Все было сделано так, как велела бабушка.

Сестры погоревали, посидели за поминальным столом, пригласив только близких соседей. На кладбище поставили пока только деревянный небольшой крест и крупный овальный камень-валун, которых в тех местах было много.

Вечером следующего дня Иван, Ольга и Надежда отправились домой. Жалко было смотреть на как бы сразу постаревшую Люсю. Но Алексей крепко обнимал ее за плечи, накрывая их пуховой шалью. Забрать в Москву их было невозможно. Да они и сами бы не поехали. Как же от родных могил можно уехать? У Люси и Алеши это не укладывалось в голове. Договорились через год встретиться. Поездка к Степе в Ленинград была отложена до лучших времен.

Глава 2

Учиться Наде было легко. Она с детства обожала русскую литературу и язык, народный фольклор, зарубежную литературу, книги обо всём на свете. Была в прямом смысле этого слова – полиглотом. В институте имелась своя огромная библиотека и читальный зал. Где-то на стенде Надя прочитала, что библиотека института – уникальна. Она содержит около 1 млн томов. Исключительную ценность представляет Фонд хранения редких книг, включающий в себя большое количество изданий 18-19-го веков.

Это было раздолье для Надежды. Отныне после занятий она непременно бежала в читальный зал библиотеки и часами просиживала там. Также она имела возможность брать домой нужные книги для учёбы.

Время мчалось вперёд. Первую сессию она сдала досрочно на все пятёрки. А весной, к концу первого курса, Надя узнала, что их институт славится своей самодеятельностью. В концертном зале проходят спектакли и концерты, устраиваемые самими студентами. Это было ново и страшно интересно для Нади! Она только и думала об этом, пропустить такое мероприятие было бы очень жалко!

Как-то увидев в фойе на стене объявление об очередном концерте студентов, Надежда срочно предупредила родителей, что задержится, и отправилась на концерт раньше назначенного времени. Она была в шоке от увиденного! Её зеленовато-карие глаза разгорелись при виде десятков молоденьких прехорошеньких девушек в разноцветных нарядах, модных туфельках на невысоком каблучке! Молодые красивые парни в клетчатых рубашках, вязаных свитерах и безрукавках носились по сцене, устанавливали микрофоны, ставя декорации из огромных холстов на подрамниках, железных балок, зеркал. Несколько студентов, надрываясь, что было видно по их красным лицам, передвигали рояль, а потом ещё и таскали стулья. Все эти ребята весело смеялись, перекрикивали друг друга, кто-то даже громко пел, не обращая внимания на стоящий в зале шум.

Повсюду находились музыкальные инструменты: гитары, аккордеоны, скрипка, балалайки. А на полу валялись снятые от духоты пиджаки, галстуки и свитера. В общем, царил атмосфера праздника и веселья. Эти студенты были объединены чем-то общим. И это общее – им нравилось!

Но всеобщий беспорядок длился недолго. Когда вошёл в зал какой-то седовласый немолодой человек и хлопнул несколько раз в ладоши, шум и гам мгновенно прекратился. Наверное, это был режиссёр, так решила Надюша. Как потом оказалось, Надя перепутала дату на объявлении и попала не на сам спектакль, а на репетицию к нему.

Завидев новенькую девушку в зале, режиссёр не стал её выгонять, а, подойдя поближе, очень деликатно спросил:

– Вы кто, прекрасная незнакомка? Давайте знакомиться. Я – режиссёр Панин Александр Андреевич. А вы кто, если не секрет?

– Я Надя Майская, – скромно и тихо, довольно боязливо произнесла девушка. – Учусь на первом курсе отделения русского языка и литературы. Пришла посмотреть концерт или спектакль.

– Миленькая, – немного картаво, но очень дружелюбно, пропел Александр Андреевич, – да у нас спектакль только послезавтра будет. А пока... Видите, что у нас творится? Наши герои, участники спектакля, похоже, превратились в маленьких шаловливых детей, которым иногда не помешает порка.

– Хотя, если честно, – добавил он, – я их очень люблю. А вы увлекаетесь театром, музыкой? Хотите присоединиться к нам?

– Очень, – осмелев, ответила Надя, – очень хочу. Но боюсь, что ничего особо не умею. Только если стихи умею хорошо читать. Да и музыку обожаю.

– Ну что ж. Это немало, – добавил режиссёр, тряхнув своей седой головой. – Если захотите заниматься у нас – милости просим!

Надя аж вся задрожала от счастья! Её приглашают в студенческий самодеятельный театр! Режиссёр ей очень понравился. Видно было сразу, что этот человек интеллигентный, может быть даже из старой плеяды знаменитых артистов! Его милое, улыбочливое лицо казалось знакомым. «Где я могла его видеть? – думала про себя Надя, – где-то в кино или в театре, куда не очень часто, но изредка всей семьей ходили Майские, – как хорошо, что я перепутала даты: такая встреча вряд ли могла произойти во время спектакля, когда я сидела бы в зале. – Как мне повезло!»

– Спасибо! Я обязательно приду, – почти закричала радостная Надя.

Несколько дней до спектакля показались ей вечностью. Последний день до просмотра Надежда думала только о том, что ей надеть. Мама предложила взять из её гардероба всё, что захочется Наденьке. Она выбрала мамину клетчатую, синюю с красным, юбку в складку и однотонный синий пиджачок, что сшила сама мама.

Долго Надя сидела перед зеркалом. Укладывала волосы так, чтобы получились слева и справа от прямого пробора два крупных валика. Остальные, чуть подвитые волосы, плавно струились по плечам. Причёска была на пике моды и была позаимствована у актрисы Любви Орловой. Стройная и красивая, Надежда отправилась на спектакль в институт. Хорошо, что она не опоздала, почти все места были уже заняты. Надя нашла откидное кресло поближе к сцене и с нетерпением ждала начала. Наконец, старый тяжелый бархатный занавес раздвинулся.

Знакомые лица ребят в гриме превратились в лица настоящих артистов. На сцене шёл спектакль по Пушкину – «Дубровский». Надя сидела, не шелохнувшись. Она вся растворилась в действии известной и любимой повести. Играли артисты – студенты хорошо, многие смогли попасть в образ. Чувствовалось рука маститого режиссёра. Удивило Надю и наличие отличных декораций! На заднике сцены висело огромное панно, натянутое на подрамник. На нём был изображен густой русский лес с берёзами, осинами, рябинами и река, извилисто уходящая вдаль. Небо было выполнено так мастерски! На небо с его переливами голубого, синего и белого цвета так и тянуло смотреть! Высокие чистые облака, похожие на зефир, как будто и правда проплывали в небе. Видно было, что художник постарался и смог добиться желаемого эффекта. С переднего края холста вдаль в перспективе к реке удалялась извилистая узкая песчаная дорожка. Там на пригорке среди пышных деревьев стояла резная белая беседка, с колоннами по периметру. Художник смог передать дух 19-го века. В течение спектакля панно на заднике менялось ещё два раза. И каждый раз живопись на нём вызывала у Надежды восторг и удивление. Каждая декорация была выполнена мастерски. «Неужели все это великолепие соорудили сами студенты, своими руками? – думала про себя Надя. – Неужели нашелся студент-художник, который смог так здорово написать эти декорации? Какие, оказывается, талантливые ребята учатся со мной рядом!»

Игра студентов-актёров тоже поразила Надю. «Я бы так не смогла, наверно, – думала она ночью, пытаясь уснуть, – так уметь перевоплощаться может далеко не каждый!» Она так перевозбудилась, что плохо спала ночью. Вспоминая все увиденное, во время путаного нервного сна ей всё мерещились виды тёмного леса, фигуры людей на опушке, яркая луна на ночном небосводе, женщины в светлых платьях с кружевными зонтиками в руках. Белая беседка с колоннами у реки во сне превратилась в тёмное зловещее пятно, а герои пьесы, стоящие в ней, чем-то пугали спящую Надю.

Так Надя стала ходить на репетиции студенческого театра. Сначала ей давали маленькие, но очень интересные роли. Но главное было не в ролях. Надежде очень нравилась обстановка

во время репетиции, подкупал её и замечательный режиссёр Платов. Он настолько был интеллигентен, добр и внимателен к своим актёрам, что не хотелось уходить с репетиции. Но это было невозможно – надо было много заниматься и в читальном зале, и дома.

Где-то на третьем курсе, осенью, стоял уже 1954 год, Надежда узнала, что в институте есть и коллектив авторской песни. Студенты часто выступали на различных мероприятиях в институте. Но почему-то Надя считала, что это совсем не для неё. Музыку она любила, но подолгу слушать песни со сцены в исполнении авторов раньше ей не приходилось.

Войдя привычно в зал, она заметила, что её друзей-артистов что-то не видно. Видимо, она опять перепутала время. Так оно и было.

– А, Надежда! – радостно произнёс режиссёр, тряхнув своей седой гривой волос, и протянул руку для приветствия. – Рад, рад вас видеть. Хорошо, что пришли. Мы начинаем новый сезон, но наши репетиции начнутся с понедельника.

– Можно, я просто посижу, послушаю? – растерянно спросила Надя.

– Конечно, – разувбался Александр Андреевич. – Сейчас придёт другой руководитель. У них сегодня – авторская песня. Посмотришь, какие у нас в институте талантливые ребята учатся. Сами и поют, и музыку сочиняют.

Надя сидела, полуоткрыв рот, глядя на действия на сцене. Вышли молодые люди, лица некоторых ей показались знакомыми. Они взяли в руки гитары, стоящие у стены, и начали настраивать их. Один из парней, увидев в пустом зале сидящую незнакомую девушку, лукаво подмигнул ей. Надя улыбнулась в ответ.

– Умеешь петь? – весело крикнул он со сцены.

– Немножко умею. Я только послушаю. Можно?

– Давай, подпевай, запоминай мелодию и слова, может, пригодится, – задорно засмеялся парень.

Надя успокоилась. Страх постепенно стал покидать её. Атмосфера на репетиции стояла приятная. В зал заходили все новые девушки и ребята, все молча ждали, когда придёт время их репетиции. Все друг друга знали. В перерывах, спрыгивая со сцены, кидались к разложенным на креслах пакетам с бутербродами. Почти все студенты жили в общежитии, и вряд ли их там ждал горячий обед или ужин.

– Юрик, начинай! – закричали студенты и захлопали в ладоши.

Юра, – так, оказывается, звали весёлого парня, – взял стул, неторопливо поставил его рядом с микрофоном, ударил по струнам, довольно умело проиграл вступление и... запел.

Песня его была новая, необычная для слуха Нади. Такие не пели на эстраде сейчас, где в основном главенствовали известные эстрадные звезды: А. Баянова, Р. Бейбутов, М. Бернес, Л. Зыкина, Г. Великанова. Появились и молоденькие И. Бржевская и О. Анофриев. Но они пели совсем другие песни и совершенно по-другому! Это Надежда сразу отметила. Песня, что пел Юра, была какая-то лёгкая, быстрая, небесная, с приятными, иногда смешными словами. Юра не столько выделял рулады своим голосом, сколько проговаривал слова и пропевал ноты своим приятным тенором.

Надя попыталась вслушаться в слова. Слова были в основном о природе, о сидении у костра, о путешествии куда-то на Алтай или Урал. Но красной строкой пелось о любви к какой-то зеленоглазой девушке, покоровшей сердце поэта. Надежде очень понравилась песня. В ней присутствовала явная новизна и свежесть. Она почувствовала, что в зале пролетел лёгкий свежий ветерок, который освежил лица всех присутствующих в зале.

Надежда искренне громко зааплодировала.

– Это вы сами сочинили? – не побоялась спросить Надежда, подходя к сцене, когда Юра закончил петь. – Я просто в восторге! Никогда ничего подобного не слышала!

– Да, сам. Спасибо, – немного смущенно ответил Юра, – Ты не слышала ещё других исполнителей. Сиди, слушай дальше. Лучшее – впереди!

Юра прыгнул со сцены и сел в зале. Вслед за ним на сцену поднялись три девушки и сразу же начали петь под аккомпанемент гитариста. Песня, что они пели, опять была незнакома Наде, исполняли её они опять же необычно: пели и порознь, и иногда все вместе. Такого Надежда опять же не слышала раньше.

«Какая же я отсталая!» – пронеслось у неё в голове. Как и в предыдущем случае, песня была о поездке на Кавказ, о просторах этого края, а высоком чистом небе, о заснеженных вершинах гор, красивее которых не бывает ничего на свете. Вторую песню пела одна из этих девушек, Маша, худенькая, миловидная, обладающая нежным звенящим голосом. Она и пела, и играла сама на гитаре. Ее тонкие пальчики виртуозно зажимали толстые струны. Создавалось впечатление, что всё ей удастся легко. Она пела о горнолыжном братстве студентов, белоснежной лыжне и, конечно, о любви. Маша так озорно исполняла эту песню, кокетливо улыбаясь, что, глядя на неё, хотелось начать подпевать ей, даже не зная слов. Надя поняла, что эти ребята объединены какой-то единой страстью. Помимо того, что они учатся в одном институте, они являются актёрами, поэтами, композиторами, туристами, альпинистами одновременно! Да! Такое Надежда встречала впервые. Чувство уважения, интереса и любви к этим студентам всколыхнулось у неё в груди.

Напоследок на сцену поднялся парень с гитарой, при виде которого все находящиеся в помещении зааплодировали и закричали:

– Илья, Илья!

Этот Илья и был руководителем самодеятельного коллектива авторской песни. Он взял в руки гитару, быстро настроил её, весело подмигнул всем и сразу же, без подготовки спел сразу три своих песни подряд. Одна песня была лучше другой! Надежда все оцепенела.

Парень как-то своеобразно пел своим мелодичным голосом, но многие слова просто проговаривал. Надя вся была в мурашках от его дивного голоса, музыки и исполнения. На какое-то время она словно заснула, уплыла куда-то вдаль, в белоснежное царство гор, дальних стран, где с туристами сидела в палатке, а у костра шевелила палкой горящие угли.

В голове ее всё смешалось. Казалось, она находится в царстве метели, туманов, остроконечных зелёных елей, её обогревает лесное солнышко. Ей чудилось, что она вместе с другими туристами сидит на бревнышке в тёплых валенках и с упоением натирает лыжи мазью. Песни Ильи целиком перенесли её в другую, романтическую реальность. В какой-то момент она очнулась. На сцене все ещё стоял Илья. Надежда с интересом стала его разглядывать. Он явно выделялся из всех её знакомых. Очень крупный, статный, высокий, плотного телосложения, с копной русых волос и обворожительной улыбкой на лице, Илья слегка походил на богатыря с картины Васнецова. Илья поклонился и шумно прыгнул со сцены. Все ребята кинулись к нему. Заметно было, что он – центральная фигура в этой тусовке. Илья явно обладал особой энергией, которой умел заражать людей. Он подкупал всех своей яркой внешностью и, конечно, харизмой. Надя сидела, как замороженная, и смотрела на все широко распахнутыми глазами. Обнявшись за плечи с несколькими друзьями, Илья запел песню, которую, видимо, знали все. Ребята так дружно, по-братски, задорно и заразительно пели – кричали, что всем находившимся в зале тоже хотелось подойти и присоединиться к ним.

Придя домой в тот вечер очень поздно (Ивану пришлось встречать Надю у метро), девушка вся была перевозбуждена не на шутку!

– Надя, что так поздно? – обеспокоенно спросил Иван, – наши уже давно все спят.

– Папа, помолчи, пожалуйста! И постарайся понять меня! Я сейчас такая счастливая!

Иван как-то странно посмотрел на дочь и замолчал. Вбежав в дом, Надежда сразу же легла спать. Но ей, конечно, не спалось. «Какие красивые люди учатся с ней в институте! Какие таланты!» – думала про себя девушка и улыбалась. Огромная полная луна светила ей прямо в лицо и как бы мешала ей радоваться чему-то новому, непонятному. Надя встала и задёрнула

шторы на окне. Засыпая, Надежда дала себе слово все разузнать подробнее об Илье, ребятах – певцах из студии авторской песни.

Узнать всё она смогла сразу же и много. Подружки-сокурсницы быстро её ввели в курс событий. Они сообщили ей, что Юра-гитарист учится на третьем курсе, как и Надя, только на историческом факультете, многие девочки влюблены в него. Юра сам пишет песни, как Илья, а голос его просто волшебный. Его стихи часто публикуются в их студенческой многотиражке.

Про Илью девочки рассказали много разного интересного. Он учился на том же факультете, что и Надя только на год старше. Он был, конечно, по-настоящему талант! Помимо того, что он классно пел и играл на гитаре, Илья писал сценарии студенческих капустников, возил туристические студенческие группы в походы. Мир его знаний и интересов был велик.

В сугубо женском педагогическом институте (за небольшим исключением) Илья обрел особую популярность. Всех девушек покоряла его внешность! Уж больно он был хорош собой! Илья был человек-праздник, в популярности среди девушек с Ильей никто сравниться не мог. Около него всегда собиралась компания, где бы он ни находился. Или у кого-то дома, в коммуналке, или, чаще всего, в общежитии. Гитара ходила по кругу, все читали стихи, пели песни, обсуждали свои байдарочные походы или восхождения на горные вершины.

Надежде тоже понравился светловолосый гитарист Илья. В какие-то моменты ей начало казаться, что она, как и все девушки, влюбилась в него. Но ушлые сокурсницы сразу же предупредили, что надежды у неё никакой нет, так как у Ильи есть девушка, та самая, что пела на этой неделе на репетиции, Маша. Вроде по слухам у них всё серьёзно.

Конечно, Надежда была разочарована немного, но по правде она не питала никаких надежд, понимая, что она самая обыкновенная девчонка, никакого особого таланта у неё нет. Но в театральной студии она постепенно стала преуспевать. Её начали вводить в спектакли и давать хорошие роли. Надя быстро учила роли, научилась хорошо декламировать тексты, стала более артистичной и смелой. Стихи она читала вообще превосходно, Платов был очень доволен ей.

После окончания своих репетиций Надя как бы подсознательно ждала начало репетиции студентов – членов студии авторской песни. Там ребята были вообще какими-то необыкновенными. В Илье явно чувствовалась искра божья. При виде Ильи внутри у неё как будто всё обрывалось, мысли в голове начинали путаться и все время хотелось смотреть на него. Но Илья не придавал её взглядам никакого значения: он привык к своим многочисленным поклонникам и относился к этому весьма равнодушно.

Его песни были чудесны! Глядя в зал, исполняя очередную песню, своими круглыми, большими голубыми глазами, он притягивал как магнитом к себе слушателей. Его широкая в пол-лица улыбка заставляла улыбаться сидящих в зале и ждать чего-то необычного впереди.

Через своих подруг Надя наконец-то познакомилась лично с Ильей, его девушкой Машей. Они очень дружелюбно отнеслись к новенькой и сразу же пригласили её в туристические походы. Разумеется, не в дальние, не в альпинистские и лыжные, где нужны специальные умения и знания. А в простые походы по Подмоскovie, которые были их спортивной тренировкой. До тяжелых байдарочных походов Наде было тоже ещё далеко. Правда, Надя умолчала, что альпинистские и байдарочные путешествия её и не привлекают, она далека от этого.

– Правда, Надя, надо и к простому походу немного тебе подготовиться, – очень серьезно произнёс Илья и внимательно и с любопытством посмотрел на девушку. – Начинать потихоньку обливаться холодной водой по утрам. Не ледяной, конечно, но прохладной, ладно? – вскинул на Надежду свои пронзительные глаза Илья и добавил: – Чтобы не простудиться. Да? Договорились?

– Конечно, я постараюсь!

Илья был настолько внимателен и мил, что Наде не хотелось кончать разговоры с ним. Но он, помахав рукой и улыбнувшись вслед, быстро зашагал вдоль по коридору, где его ждала компания друзей.

Маша тоже очень понравилась Наде. Настоящая блондинка, тоненькая, худенькая, нежная и милая, как бы пронизанная светом изнутри. Она училась на том же факультете, в одной группе с Ильей и также умела писать стихи и песни. Илья часто говорил, что поэтический талант Марии не уступает его таланту и что Маша добьётся признания. Как же было заметно, что Илья и Маша влюблены друг в друга! Видимо в состоянии влюблённости Илья пребывал постоянно. По натуре он был – редкий жизнелюб!

Следующей осенью, когда Надежда была уже на четвёртом курсе, Илья предупредил её, что группа собирается в поход и чтобы она начинала готовиться. Но он не мог знать, что уже две недели Надежда упорно начала заниматься спортом! Чтобы выглядеть спортивнее, да и просто для здоровья, Надя бегала по утрам в районе своего дома, накручивая круги вдоль метро и парка, тренируя выносливость и сноровку.

Пришлось купить новый спортивный костюм, чёрный, с полосками по бокам. И обтягивающую голову шапочку с вырезом-клювиком посередине лба, всё как полагается настоящему спортсмену. Старый спортивный костюм с вытянутыми коленками, изрядно полинявший, она без сожаления выбросила на помойку.

– Ну хороша, хороша! – причитала Ольга, бегая вокруг Нади и любуясь дочкой. Пряма – Лидия Скобликова в этой шапочке! Только коньков не хватает!

– Сверху надо ещё надеть плащ – ветровку: вдруг дождь пойдёт? – забеспокоился отец.

– Я как раз премию получил, надо срочно съездить и купить. Чтобы все было на уровне! – шумел Иван.

Даже Олег оторвал свой взгляд от учебников и лениво повернувшись, произнёс:

– Надька и, правда, у нас красавица. Но осилит ли путешествия? Хилая очень, ест мало, а силы нужны.

Все посмотрели на Олега и сочли, что он прав. С этого момента Ольга потеряла покой. Она стала бегать по рынкам, магазинам и покупать для Нади те продукты, которые, как она считала, могли повысить выносливость, иммунитет и дать Надюше побольше энергии.

Как-то ночью, когда не спалось, Ольге вдруг опять стукнула в голову новая мысль: всё-таки вечерами сейчас холодно, уже стоит полноценная осень. Если уж поднимется ветер, то может так разойтись! Надо срочно шить Надюхе безрукавку из своей старой кроличьей шубы! Все равно она уже старая и местами лысая. Это идея! В кроличьей безрукавке Надя точно не замерзнет!

Но утром, огласив свое решение сесте за машинку и сшить безрукавку из меха, она услышала такой отпор и от Надюши, и от Ивана, и даже от Олежки!

– Мамоchка, ты что говоришь? – почти рыдала Надя, – я никогда не надену этот старый допотопный мех! У меня все обсмеют в нём! Я что, на Северный полюс еду? К тому же, мех очень тяжелый, я вся испарюсь в нём! Мы же туристы, а не бабушки, сидящие на лавочке!

Все молча посмотрели на Ольгу, и Иван тихо произнёс:

– Оленька, Надюша права. Как она будет таскать за собой этот мех? Он же не лёгкий! Лишняя тяжесть в походе ни к чему!

Оля села на стул, вздохнула и замолчала. Надя обняла маму за плечи:

– Не обижайся, ладно?

Наконец в конце сентября состоялся долгожданный поход. Как Надя была рада! Ребята, такие все в доску знакомые и любимые, собрались вместе на Ярославском вокзале. Они смеялись, шутили и не спускали взгляда со своего вожака – Ильи.

Илья, как всегда, был неотразим. Его немного полноватое, но всё-таки стройное для его большого роста тело, было обтянуто красным комбинезоном с белыми полосками на груди.

Такие же полоски были на брюках. Где он достал такой, Наде было неизвестно. В продаже в магазинах она таких не видела. Но Илью уже стали приглашать на международные выступления в социалистические страны, где устраивались концерты авторской песни, ставшие очень популярными за рубежом.

Илья становился постепенно очень известным. Видимо, в одной из поездок он купил этот комбинезон. Он учился уже на пятом курсе и следующим летом заканчивал институт.

Погода стояла хорошая, светило солнце. Путешественники сели в поезд, следующий до Загорска. Их путь шел к Сергиево-Посадской Лавре. Маршрут был проложен Ильей так, чтобы, выйдя из поезда на остановку раньше, группа смогла бы пройтись вдоль леса, вдыхая свежий воздух, тренируя мышцы тела и любясь окрестностями. Кроме пешего похода в план Ильи входило посещение Сергиево-Посадского монастыря.

Круг интересов Ильи и его друзей не ограничивался только походами, спортом, песнями и музыкой. Вся его группа состояла из студентов широко образованных, обладающих в большой степени начитанностью и любознательностью.

Когда сели в вагон поезда, компания заполнила собой почти все пространство. Шума, гама, радостных криков было предостаточно. Утомившись спустя некоторое время, все расселись по местам, распаковали из чехлов свои гитары и стали по очереди петь туристические песни.

Илья, конечно, задавал тон. Все девушки влюблёнными глазами смотрели на него. Его песни о любви были такими пленительными и жизненными, что казалось, будто он обращается к каждой из них. Его обаяние было безгранично.

Постепенно к группе стали подходить и подсаживаться незнакомые люди, повскакав со своих скамеек.

– Можно послушать? Мы не помешаем? Такое редко услышишь во время пути, – восхищались едущие в поезде.

Фигуры людей, интересующихся пением студентов, заполнили весь проход в вагоне. Какие-то старики стали ворчать, но никто не обращал на это внимания.

Ехали долго. За окном мелькали осенние пейзажи. Золотая осень была в полном разгаре. Они проезжали мимо множества красивых равнин и полей со стоящими столбиками отдельно друг от друга снопами, которые подчёркивали красоту пейзажа. Надя смотрела в окно и думала о своём: где-то, когда-то она вычитала, что людям необходима музыка, литература, живопись, театр. Ведь все эти островки совершенства, составляющие мир искусства, нужны человеку для того, чтобы побороть грубость и материальность мира, отнюдь не всегда духовного и лёгкого. «Что-то есть правильное в этом высказывании», – подумала Надежда.

Музыка и пение других ребят текли как патока, успокаивая и вдохновляя одновременно. Внезапно Надя почувствовала, что кто-то на неё внимательно смотрит. Почувствовала это всем нутром, кожей, но среди такого большого количества людей вокруг, она не смогла вычислить, кто это. Какой-то парень, это точно. Но не Илья. Наверное, Юра?

«Юра в принципе симпатичный, – подумала Надежда. Но явно не в моем вкусе. Небольшого роста и коренастый, с круглым лицом. Хотя, мама не раз ей объясняла: не во внешности дело!»

Надя успокоилась и продолжала мечтать дальше: «Что меня ждёт впереди? Какая судьба? Почему мир так сложно устроен? – философствовала Надя. – И что этот Юра все смотрит и смотрит на меня? – раздраженно думала она. – Помечтать не дает! Подсел бы ко мне, поговорили бы. Ишь, какой скромный!»

Поезд незаметно подъезжал к станции назначения. Тут ребятам предстоял довольно длительный пеший поход. Все цепочкой встали в ряд, гитары повесили за спины. Ритуал пеших походов был отлажен давно, впереди шёл Илья. Он был похож на великана в своем обмундировании и выделялся из всех не только высоким ростом, но и какой-то особой величавостью,

как настоящий вожак стаи. Следом за ним шла его подруга Маша. Заметно было, какая она тренированная, жилистая, в её хрупкой фигурке видна была внутренняя сила.

До Лавры надо было прилично идти пешком. Но никто не издал ни звука, не задал ни одного пустого вопроса. Про Загорский собор всем было известно мало. Но, чтобы получше узнать подробности, они и шли туда.

В 1920 году на территории Лавры был организован историко-архитектурный музей. Там же находился до 1953 г. Загорский учительский институт. Это уже было любопытно ребятам, как будущим педагогам.

К концу 1930-х годов некоторые памятники Лавры были частично перестроены и приспособлены под жильё и другие хозяйственные нужды. Первая комиссия по охране Памятников искусства и старины была создана ещё в 1918 году. Туда вошли видные архитекторы, историки, академики. В 1945 году было открыто художественное ремесленное училище с 3-летней программой обучения, готовящее белокаменщиков, лепщиков, плотников и других мастеров.

Возрождение монашеской жизни Лавры пришлось к 1946 г., когда настоятелем Троице-Сергиевой Лавры стал патриарх Алексей I. Лавра оставалась основным местом пребывания патриархов ещё очень долго. Сильно внедряться в церковные ипостаси в планы студентов не входило, все они были атеистами. Но как будущим учителям, а многие из них учились на литературном, историческом, художественном и других факультетах, узнать некоторые подробности об истории и архитектуре Лавры нужно было для профессии, собственного развития. В основном их интересовал, конечно, архитектурный облик Лавры, её строение, приемы реставрации и т. д. Ведь в группе было несколько студентов-художников, да и остальным эти знания шли только на пользу.

Центральное место в архитектурном ансамбле Лавры занимает пятиярусная колокольня, которую видно со всех сторон. Ребята долго любовались ею, много фотографировали. Колокольня особо выделялась на фоне чистого осеннего неба.

Очень их заинтересовал и Успенский собор, возведенный в 1559–1585 годах по типу Успенского собора Московского Кремля. У северо-западного угла собора в 1780 году была построена палатка шаровой кровли над могилами семьи царя Бориса Годунова. Студенты с исторического факультета очень заинтересовались всем увиденным. Знать подробности о соборе, архитектуре монастыря им необходимо было и для себя, и при сдаче экзаменов.

Экскурсия оказалась очень интересной. Ребята сдружились ещё больше между собой и, уставшие, ждали небольшого отдыха. Для перевала им пришлось пройти ещё километров пять, пока они не вышли на открывающееся перед ними огромное русское поле, ранее видимо бывшее засеянным пшеницей. Урожай был давно собран.

Они расположились у кромки леса, находящегося недалеко от поля. Кое-где валялись ветки сушняка, небольшие бревна от бывшего когда-то здесь густого леса. Потом нашли небольшую полянку, там сбросили свои рюкзаки и гитары на землю. Плечи их изрядно ныли от усталости. Погода стояла чудесная. «Отравленные» чистым воздухом, переполненные новыми знаниями и эмоциями, многие уселись на лежавшие бревнышки и откровенно задремали.

Но дремать долго им не дали. Надо было разводить костер, для чего был необходим сушняк из леса. Уж потом можно готовить кое-какую трапезу для перекуса. В основном, конечно, жареную на костре в углях картошку. Все устали, хотели есть. Илья строго следил за костром, за приготовлением пищи на нём. Все это было для него не впервые. Он страстно любил походную жизнь и своих друзей.

На импровизированной скатерти-самобранке, постеленной на земле, девушки разложили хлеб, варёные яйца, колбасу, овощи, соль, чай, сахар. Вскипятили на костре воду и быстро разлили её по алюминиевым кружкам ребят. Кружки были горячие, обжигали пальцы, все весело смеялись и сыпали прямо в кипяток россыпью заварку руками.

Скоро подросла и картошка! Палочками друзья вынимали её из костра, перекачивали по вошеной бумаге туда-сюда, чтобы остыла поскорее, и с жадностью набрасывались на такое лакомство! Все эти действия придавали пикнику романтики. Природа во всём благоволила в этот день студентам. Ни одной капли дождя не пролилось в тот день.

А дальше... Дальше началось самое главное – импровизированный концерт под гитару! Заходящее уже солнце посылало ребятам свои прощальные лучи, согревая их напоследок. Сколько новых песен услышала Надя в этот вечер! Сколько новых талантов открыла для себя!

Пили туристы только рислинг, сухое недорогое вино, и то совсем понемногу, в основном для настроения. Илья строго следил за этим. У него все было продумано и просчитано.

Через какое-то время, чуть-чуть захмелев от выпитого рислинга, который придавал ей немного смелости, Надя решила прочесть вслух стихи. Она давно знала их, но на концертах в институте со сцены как-то стеснялась читать. А здесь – в ней открылось новое второе дыхание, смелость, вместе с тем и желание нравиться. Быстро посоветовавшись с сидящим рядом гитаристом, Надежда попросила его под это стихотворение подобрать какой-нибудь аккомпанемент, любой, подходящий под стихотворение. Парень с радостью согласился. Он некоторое время что-то брэнчал на своей гитаре, подбирал музыку, а потом, улыбнувшись и кивнув Наде, дал знак, что готов. Надежда встала, завела руки за спину, многозначительно посмотрела на уже вечернее небо с едва видимыми на нём проступающими звёздами и медленно, выразительно прочитала большой отрывок из «Евгения Онегина» – «Сон Татьяны». Она сама не ожидала от себя такой смелости. Надя смогла преодолеть свои врождённые зажатость и боязнь. Видимо, в этом ей помогли занятия в театральной студии института. После этого выступления Надежда вдруг почувствовала лёгкость, свободу, полёт души. И главное, она услышала, что все заплодировали ей. На лицах ребят возникло уважение интерес к её личности. Такие редкие ослепительные моменты запоминаются на всю жизнь. Когда-то готовясь к экзаменам, Надя где-то вычитала, что «искусство есть духовная нематериальная передышка от трудностей жизни». Она не первый раз вспомнила это выражение.

«Наверное, это – так!» – подумала Надежда, радуясь всему тому, что происходило вокруг, и самой себе. Затем все встали, немного погуляли по поляне, громко пели, читали стихи любимого всеми Сергея Есенина. Стало заметно смеркаться. Илья дал сигнал, что пора собираться в дорогу. На электричку воодушевленные студенты дошли легко, в сильной усталости никто не признавался. У Нади от непривычки болели икры и мышцы ног, но она старалась не думать об этом. Доехали до Москвы, как показалось, быстро. В поезде рассказывали анекдоты, Илья хохмил больше всех. Его девушка Маша понравилась Наде своей ненавязчивостью, скромностью и талантом. Она тоже на привале пела и играла на гитаре песни, причём, как потом оказалось, своего собственного сочинения.

Распрощавшись на Ярославском вокзале, многие побежали в метро. Кто-то пошёл пешком к троллейбусным остановкам. Станция метро «Комсомольская» была открыта не так давно, в 1952 году. Наде она очень нравилась. Её необыкновенная мозаика «Метростроевцы», выполненная на стене вестибюля, очень впечатляла её. Хотелось долго стоять перед панно, разглядывать подробно каждое вылепленное тело молодого рабочего или работницы, показывающих, как шла стройка первой линии метро. Лица рабочих светились улыбкой, несмотря на тяжелый труд под землёй. Они делали общее дело, так нужное людям!

Постояв, как всегда, у панно, Надежда, раскрасневшаяся и окрыленная, спустилась по лестнице к вагонам. Все ее мысли были заняты удачным походом, знакомством с новыми друзьями, предстоящей встречей с ними уже в институте на лекциях. Надя так замечталась, что не заметила, как кто-то осторожно взял её за локоть.

Она обернулась. Перед ней стоял парень, явно из их группы, с рюкзаком за плечами. Вроде она даже стала вспоминать его лицо, когда они сидели у костра. Но это был совсем не Юра.

– Тебе далеко ехать? – спокойно и дружелюбно спросил он. – Может, нам по пути?

Надя слегка обомлела. Взглянув на парня, краем глаза пытаясь рассмотреть его получше, она ответила:

– Мне недалеко. До «Краснопресненской». А там на троллейбусе две остановки до дома, – смущенно произнесла девушка. – Можно и пешком, – добавила она.

– Можно я провожу тебя? Давай рюкзак, он, наверное, тяжелый. Все устали за сегодняшний день, да и ты тоже, – продолжал незнакомец. Надя обалдела! Вот так парень! Какой смелый! Сразу провожать кинулся! Но его миловидная внешность, высокий рост, худощавость и широкая открытая улыбка уже понравились Наде.

– Давай сначала познакомимся, – улыбаясь сказала она. – А потом уже решим, кому в какую сторону ехать.

– Да, конечно. Меня зовут Владимир Крапивин. Я через год заканчиваю художественный факультет нашего института. Давно, с первого курса хожу в походы и дружу с Ильей. А тебя как зовут? – поинтересовался он, смахивая со своих плеч прилипшие листики и ветки, видимо, из леса.

– Я Надя Майская. Учусь на факультете русского языка и литературы. На том же, что и Илья с Машей, но они на год старше. Удивительные они ребята, правда? Как ты считаешь? – осмелела Надя.

– Да, я давно их знаю. В самодеятельном театре института я с первого курса, рисую декорации к спектаклям. Ты бывала на спектаклях? Приходи в это воскресенье, как раз будут «Мещане». Я на днях заканчиваю монтаж декораций к ним, – скромно произнёс Володя.

«Вот так парень! – подумала Надя. – Мало того, что симпатичный, к тому же – художник! Кстати, это именно его декорации я видела в «Дубровском», – вспомнила Надежда, – они мне ещё тогда очень запомнились. Но автора не знала. Вот теперь буду знать. Как здорово!» – произнесла про себя Надя.

Ей явно везло в этот день. День выдался особенным, это точно. И нелёгкий поход, который она с достоинством выдержала, её выступление со стихотворением, и ещё ко всему прочему – знакомство с Володей! Всё случилось в один день. Прекрасный день! Раньше с Надей не происходило ничего подобного.

– Договорились! – весело воскликнула девушка. – Приду обязательно! А насчёт проводов – смотри сам. Ты же тоже устал сегодня.

– Ничего, я тренированный, – рассмеялся Володя.

Вместе они сели в вагон метро. Было уже поздно, народ разошелся по домам уже давно. Ребята сидели рядом и весело болтали об институте, грядущих экзаменах, о сегодняшнем походе, о будущей профессии Володи. Хорошо, что Надежда неплохо разбиралась в искусстве. Купленные её мамой альбомы с репродукциями художников очень помогли ей в разговорах с Владимиром. Ей было, что сказать и умело ответить на любой вопрос парня.

Владимир был хорош собой. Что-то аристократическое проскальзывало в его внешности. Сначала Надя не могла понять, что именно. А потом посмотрела на его руки! Это были руки художника с длинными пальцами, как у настоящего пианиста.

Володя рассказал, что с детства хотел стать художником. Сначала он закончил художественную школу, потом поступал в знаменитый Суриковский институт, но... не поступил. Он очень расстроился, хотел даже совсем забросить это занятие, но потом, через какое-то время, хорошенько подумал и решил согласиться с мнением родителей – поступать в Московский педагогический.

Какая разница! Главное, что он художник в душе! Да и как ему повезло, что в институте есть такой самодеятельный театр, где нужны его умения – ещё одна дополнительная практика для художника. Рисуя декорации для спектаклей, он приобретает дополнительную специальность – художника-декоратора. Не каждому так повезёт!

Единственное, что расстраивало Володю, это то, что по правилам, в стране нужно обязательно отработать в школе преподавателем рисования. Да и не факт, что в Москве, а куда пошлют. Ну что делать, он с этим справится. Надо, так надо.

Надя не ожидала от Володи такой откровенности в первый день знакомства. Но ей было приятно, что он так сразу доверился ей.

Болтая, не останавливаясь, они чуть не проехали свою остановку. Потом решили пройти две остановки пешком. Всю дорогу Владимир тащил за спиной два тяжелых рюкзака: свой и Надин. Распрощавшись, они пообещали друг другу встретиться завтра в перерывах между лекциями и обсудить спектакль и декорации к нему, над которыми сейчас работал Володя.

При прощании Надя заметила, что Владимир как-то по-мальчишески смущен.

Войдя в дом, Надя быстро умылась, разделась и тут же легла в кровать, прихватив с собой чашку горячего чая с сахаром. Ноги её гудели. Только сейчас она почувствовала, что сильно устала. Вошла Ольга, заботливо положила на Надины ноги горячую грелку и тихо вышла из комнаты. Но Надина физическая усталость была не сравнима с тем, что она ощущала в душе!

«Какая я глупая, – думала Надя, – как я могла почти влюбиться в Илью?. Ведь в него влюбляются все! И тут же сразу через некоторое время начать испытывать большой интерес, почти влюблённость к другому человеку? Разве так бывает?» – размышляла Надежда.

«Значит, бывает, – сама себе ответила девушка, рассмеявшись в душе. – Надо будет завтра до встречи с Володиёй сбегать в театральную студию и хорошенько рассмотреть висевшие на стене фото из спектаклей института. Ведь все декорации к ним делал Володя! Он – художник, – почти засыпая, мысленно проговорила про себя Надя. – И он мне, кажется, нравится».

На следующий день она всё так и сделала, как задумала. До начала лекции забежала в большой зал, где всегда шли репетиции театра. Там ещё никого не было. Но почему-то помещение было открыто. Надя тщательно рассматривала все фотографии с фрагментами из разных спектаклей. На заднике за сценой были видны большие работы – панно на заданную тему. Эти панно выполнил Володя!

Надежда стала все внимательно рассматривать. Везде она заметила необычайный подход художника к работе: смелый, новаторский мазок, яркие чистые краски, необычные композиции в картинах. В них явно читался собственный стиль в работах. Видно было по картинам, что Володя – прирождённый декоратор.

«Ему бы работать в театре, – пронеслось в голове Нади. – Там его место. Но все впереди, можно многое исправить в жизни, если захотеть!»

Тут Надя на минутку задумалась. И следующая мысль тут же шла вдогонку предыдущей: «Желательно, конечно, ошибок не совершать, чтоб потом их не исправлять. Наверно все это трудно», – вздохнула Надежда и, отбросив все грустные мысли, весело побежала на лекции.

Надежда и Владимир начали встречаться. В институте, когда их некоторые лекции совпадали, они сидели рядом на высокой кафедре и слушали лекции по мировой художественной культуре. Обязательно вместе обедали в столовой и, разумеется, виделись в студенческом театре. Наде нравилось всё, что Володя делал, и вообще все в нём ей казалось неотразимым: его стройная фигура и пшеничные волосы, зачесанные назад. Таких пронзительных голубых глаз, которые сверкали, как ей казалось, как два огромных топаза, такой доброжелательной открытой улыбки не было ни у кого на свете! И вообще он ей напоминал юного бога, что она видела в репродукциях в альбомах, лежащих у них дома. Надя часто их пересматривала.

«Боттичелли? Перуджино? Рафаэль? Тициан?» – путалась Надежда. Было ясно, что она по уши влюбилась в Володю. Вечерами Володя провожал Надежду до дома. Они шли через Плющиху, там выходили на Садовое кольцо, сворачивали у «Краснопресненской» к сталинской высотке, а там шли прямо к дому Нади.

Единственное, что попросила Надя маму, чтобы та сняла старый ковёр с оленями со стены. Вдруг Володя зайдёт к ним и увидит его? Когда-то в детстве она так любила этот ковёр!

Но сейчас ей было неловко за такую безвкусицу. Он же художник! И наверняка его удивит, что перед Надиной кроватью на стене висит такой «кич»!

Ольга внимательно посмотрела на Надю, ничего не сказала и молча сняла ковёр. Дома Оля приветливо встречала ребят, быстро накрывала стол, кормила своих вечно голодных студентов. Ивану Володя тоже очень понравился. Он залезал на стул, доставал из форточки пакет с едой: на улице было уже ночами холодно, и продукты хранили за окном на улице. Холодильника у них пока не было.

Отношения ребят и Ольгу и Ивана радовали, но настроение Ольги было не на высоте. Пришла новость, что их дом будут сносить. И не только их дом, а все близлежащие дома – развалюхи. На их месте будет строиться новый посёлок из пятиэтажных блочных домов: с балконами, смежными и отдельными комнатами. Майские ждали ордера на получение новой квартиры. Где её дадут, в каком районе, они не знали. Ольга мечтала, чтобы дали в районе, где недалеко метро, чтобы добираться и Наде, и всем членам семьи до работ и институтов было легко.

С одной стороны, на них свалился большой груз проблем с переездом, а с другой, Ольга мечтала по ночам о том, как она обустроит свою новую квартиру, какую красоту наведёт там.

* * *

Прошло полтора года. Стоял май 1957 г. Изменилось за это время многое. Надя и Володя закончили свою учёбу в институте. Им обоим предстояло осенью выйти на работу учителями в московские школы.

Радовало родителей то, что Олег сам, ещё давно, решил поступать в Московский авиационный институт. Вопросов, почему он выбрал этот вуз, ему никто не задавал. Все было и так ясно. Ещё в детстве Иван приучил его к авиамоделированию, и они часто вдвоём ездили гулять в Тушино, где любовались стоящими самолётами. Видимо, это повлияло на любовь Олега к авиации. Он вечно ходил в школу с высоко задранной головой, ища глазами витиеватые белые полосы – следы от пролетающих высоко в небе самолётов.

Став постарше и входя в здание метро «Сокол», он сразу выделял ребят из МАИ, находящегося не так далеко. Они гурьбой вбегали в метро: все весёлые, с тубусами в руках. Когда он смотрел на них, они виделись ему будущими известными авиаконструкторами – Яковлевыми, Туполевыми, Антоновыми, и Олег слегка завидовал им.

В 1953-м году к власти пришел Н.С. Хрущев. Период правления Хрущева стали называть «оттепелью»: были выпущены на свободу многие политические заключённые, уменьшилось влияние идеологической цензуры, Советский Союз достиг больших успехов в покорении космоса, была развёрнуто активное жилищное строительство. Все старые ветхие дома стали сносить, а на их месте строить блочные пятиэтажки с отдельными квартирами. Это тоже было временное строительство, но люди из подвалов и коммуналок были переселены в новые дома с коммуникациями и удобствами.

Наконец-то Майские дождалась ордера на новую квартиру: у них было двойственное чувство. С одной стороны, они были очень рады – ведь квартира была трёхкомнатная, отдельная, без соседей. Комнаты были небольшие, но изолированные. У Олега и Нади теперь будут свои комнаты, они уже взрослые!

С другой стороны – так жалко было расставаться с родным домом, где родились дети, с их любимым садиком, за которым они ухаживали.

Оля с болью в сердце смотрела в раскрытое окно на уже отцветающую кудрявую вербу, которая белела своими пушистыми шапочками. Пройдёт некоторое время, и зацветет берёза, серёжки от которой смешными зелёными палочками – закорючками спускаются вниз, когда берёза отцветает, и падают прямо на подоконник на кухне. А уже дальше-то что! Зацветёт

вишня, яблоня! Ольга обожала это время. Она гуляла по их садику около дома, обнимала ветки деревьев руками и прислоняла их к лицу, вдыхая аромат всем телом. Слёзы сами текли из её глаз. Это были одновременно слёзы радости и боли.

«Хорошо ещё, Надины лилии любимые и синенькие «туфельки» не начали распускаться. Вот слёз бы было! Хотя, – подумала вдруг Ольга, – Надежде сейчас не... до «туфелек-башмачков», она вся в любви! И это так здорово!» Она ещё раз посмотрела на старый дом, как бы прощаясь с ним. Дом казался каким-то одиноким и обиженным.

Семье дали квартиру в отнюдь недалёком месте. Разумеется, все хотели, чтобы новая квартира не была в отдалённом районе. Так и получилось. Это был район между новым Комсомольским проспектом и Новодевичьим монастырем. Район был знаменит тем, что совсем недавно, в 1956 году, там был открыт огромный спортивный стадион Лужники. Место было пока мало освоенным, кругом находилось много пустырей, заброшенных и нечищенных. Вот на этих местах, перед Фрунзенским валом и построили ряд пятиэтажных домов.

Но самым приятным сюрпризом было то, что в июле должна была открыться станция метро «Спортивная», которая находилась недалеко от нового дома Майских. Дома были с выносными балконами и стояли параллельными рядами. В соседнем доме дали квартиру их прежней соседке Вареньке с мужем Егором.

Важным для Ольги и Нади было и то, что, выйдя на балкон, можно было любоваться сверкающими шпилями Новодевичьего монастыря. Древний, величественный собор поражал архитектурой и золотыми куполами.

Наконец наступил день переезда. Ехали на грузовике, нагруженном кое-какой мебелью (взяли не всю, очень старую выбросили), вещами, люстрой и всякой домашней утварью.

Рядом с шофёром уместились Иван и худенькая Ольга. В кузове сидел Олег и с важным видом придерживал, чтобы не упал, мамин любимый фикус. Остальные поехали на метро.

Надежда и Олег категорически заявили, что ничего старого, отжившего они не потащат в их новую квартиру. Особенно остро разгорелся спор насчёт фикуса. В этот год его как раз объявили «признаком мещанства и олицетворением всех пережитков старого» – так писали о бедном цветке во всех газетах. Ольга очень расстраивалась по этому поводу и всё-таки смогла отстоять фикус и не разрешила выбросить его на помойку. Надя, скрепя сердце, согласилась, но только на первое время.

Дорога к новому дому показалась долгой. Ехали по Садовому кольцу. Ольга с интересом смотрела вокруг.

«Какая красивая Москва! Сколько зелени посажено вокруг! Какое счастье, что мы будем теперь жить в отдельной квартире!» – думала Ольга, держа за руку любимого мужа.

«Как обживём все чуть, обязательно пригласим погостить Люсю с Алексеем и Степана. Покажем им все достопримечательности города, познакомим с Володей», – блаженно улыбалась Ольга. Как раз летом должен состояться Всемирный фестиваль молодёжи и студентов.

Это было главное событие года. Власти к нему долго готовились. Такого энтузиазма прежде редко кто видел. Москву уже начали украшать эмблемами фестиваля – цветками ромашки с разноцветными лепестками. Машина резко затормозила, и Ольга подскочила на сидении. Приехали.

Скоро подросли Надя с Володей, они шли в обнимку. В руках Нади был маленький букетик любимых ландышей. Согнутые вниз белые головки цветов были сама нежность, чистота и олицетворение новизны и надежды на лучшее. Ольге Володя галантно подарил букет первой сирени.

Все увидели свой новый дом. Поднявшись на пятый этаж, они вошли в квартиру, которая оказалась на первый взгляд очень большой и уютной. Только кухня показалась маленькой, тесноватой для их большой семьи. Но она была своя, собственная! В ней пахло ещё свежей краской от покрашенных в голубой цвет стен и запахом резины от линолеума на полу. Кухня

имела выход на балкон, из которого открывался вид на большой пустырь перед домом, где была построена площадка для футбола и мальчишки с визгом гурьбой носились за мячом. Их детские громкие голоса совсем не раздражали новосёлов, только вызывали радость, умиление и, как ни странно, чувство покоя.

Ольга с радостью смотрела на открывающийся перед ней Новодевичий монастырь, вдали за Лужниками маячили Ленинские горы. Вид на золотые купола и чистое небо вызывали в Ольге какое-то особое чувство. Что-то новое, неведомое и прекрасное поселилось у неё в душе. Посоветовавшись, все решили отметить это событие походом в кино. Все хотели посмотреть непременно «Большой вальс» с Милицей Корьюс, который, кстати, все уже раньше видели.

Целое лето в Москве царил веселье, новая, неведомая ранее музыка доносилась из всех радиоприемников. До этого никто не видел ничего подобного! Очень многое – мода, джаз, близкое общение с иностранцами ворвалось в советскую жизнь именно во время и после московского фестиваля. Приехало много гостей. Среди них был американский пианист Ван Клиберн, певец из Франции Ив Монтан, чернокожий американский певец Поль Робсон и другие. Всеми чётко осознавалась необычность всего происходящего.

Был первый невоенный салют в Москве, люди на фестивале сдружились. После перенесённой войны, трудных послевоенных лет людям так нужна была дружба!

Сразу же появился новый танец рок-н-ролл, новомодные джазовые композиции. Под их музыку танцевали так называемые «стиляги», одетые очень странно: на ногах ботинки на толстой каучуковой подошве, прозванной «манной кашей», яркие брюки и блузки, причёски с начесанными чубами, как кок, вверх волосами у мужчин.

Женщины, накрашенные ярчайшей помадой, в широких, как раскрывшийся цветок, юбках, разноцветных, как палитра художника, шейных платочках выделяли ногами неведомые прежде «па». Чтобы юбка была очень пышной, шили специальные нижние юбки, сильно накрахмаленные, с кружевом внизу. Необычность происходящего долго струилась в воздухе!

Приехали в это лето, лето фестиваля, и Люся с Алексеем. Несмотря на то, что квартира была ещё совсем необустроена, голая, и им пришлось спать на полу, на матрасах, это их не смущало, они привыкли к более тяжелым условиям. Их целыми днями не было в доме, они гуляли по праздничной Москве, побывали в театрах и на концертах. Приглашали и Степана. Мужчины изредка переписывались. Из писем Иван знал, что у Стёпы все нормально, с жильем всё хорошо, квартиру дали хорошую. Работает он много. Приехать летом у Степана никак не получалось. Но как только он узнал, что у Надюхи в конце августа состоится свадьба, сразу же дал согласие прибыть непременно. Молодые решили устроить свадьбу сразу же, как разъедутся гости фестиваля из Москвы.

Весь август Иван занимался обустройством квартиры, а мать с дочкой готовились к свадьбе. Надо было найти хорошую портниху, выбрать, купить материал для свадебного платья, достать где-то хорошие белые туфли на каблуке. Да что там говорить! Дел было неуправляемо.

Не найдя хорошей портнихи, Ольга решила сшить сама платье для дочери. Фасон был выбран давно. Перед женщинами стоял образец красоты – несравненная Одри Хепбёрн.

Да что там говорить! На экраны столицы вышли потрясающие фильмы: «Карнавальная ночь», «Отчий дом», «Девушка без адреса» и другие. Содрать фасоны для платьев было легче лёгкого!

Талия платья было чуть завышена, и под ней был завязан на пришитой красной ленте, вокруг тела, под грудью элегантный бантик со спускающимися ленточками, юбка плавно расширялась книзу и у колен была пышной. Трапеция в крое юбки платьев была на пике моды. Сзади на спине шла застёжка на крючках, которая туго затягивала спину Надежды.

Ольга долго примеряла свою работу на Надю, крутила её, вертела перед зеркалом.

– Мама, я еле дышу, очень туго затянула меня! – кричала Надежда.

– Ничего, потерпишь! Видела, какая худенькая Гурченко в фильме? – успокаивала Ольга. – Её, наверно, туго затянули в корсет. И тебя стоит. Будешь настоящая красotka, не хуже Одри!

– Не надо никакого корсета! – визжала Надя. Я и так худая! Я Володе такая нравлюсь!

– Глупенькая, Володя – художник! У него тонкий вкус, невеста у него должна быть утончённая, необычная, – продолжала спорить с Надей мать.

– Ну ладно, все-таки ослабь немного, расставь крючки чуть пошире. А то я не могу и слова произнести.

Обе весело смеялись. И Ольга, и Надя очень любили такие моменты единения матери и дочери.

– Ещё надо купить непременно белые короткие перчатки, – не успокаивалась Ольга. – На последних фото Хепберн в белых перчатках!

– Мама, ну я же не Одри Хепберн! – весело вторила Надежда.

Разумеется, перчатки все же купили. Мать успокоилась. Все были довольны. Вечерами Володя и Надя бегали в кино, сколько фильмов надо успеть посмотреть до свадьбы и до выхода на работу: «Разные судьбы», «Неподдающиеся», «Верные друзья», «Укротительница тигров» – столько всего нового, хорошего!

В эти последние дни лета Надя много раз выезжала с женихом на пленэры в Подмоскowie. Это было чудесно! Володя стоял по колено в траве и рисовал с натуры пейзажи: Москва-реку, церквушки на пригорках, деревенские домики, заросшие красной рябиной.

Иногда Володя с Надей ездили в место, где желтели скошенные поля со сложенными снопами. Володя писал их с упоением. В перерывах вдруг кричал:

– Не двигайся! Замри! Сиди так! Профиль чуть левее.

Надежда послушно сидела на солнце и позировала жениху, пока он делал набросок. Как оказывается, приятно чувствовать себя моделью! Картины нужны были Володе к осени, чтобы предоставить художкомиссии на предмет поступления в Союз художников города Москвы. Если примут, это будет внушительный шаг в искусстве для молодого художника.

Свадьба была студенческая. Отмечали в столовой общежития института. Занятия ещё не начались, но столовая уже работала. Ребята украсили зал разноцветными гирляндами и множеством воздушных шариков. Народу приглашено было очень много. Практически весь курс Володиного и Надиного факультетов, не говоря о студентах из студенческого театра. Тамадой был, естественно, Илья. Через полгода была назначена и свадьба Ильи с Машей.

Разумеется, отдельно, уже дома, отметили события с приехавшими на торжество Люсей, Алексеем, Степаном. Все наперебой спрашивали Стёпу: «Когда же ты женишься? Уже давно пора!» Степан отшучивался, отнекивался. Но некоторые изредка замечали его внимательно любующиеся взгляды на Ольгу.

Чувствуя, что жизнь налаживается, радуясь новой квартире, счастьем дочери, тому, что Олег поступил в престижный вуз, Ивану вдруг взбрело в голову поехать куда-нибудь подзаработать. Квартира была практически не обставлена, весь старый хлам они выбросили. Никаких ковров на полу у них сроду не было. В старом доме пол был деревянный и достаточно тёплый. А здесь все покрыто линолеумом. Хорошо бы покрыть паласами, которые начали появляться в магазинах. Дети поженились. Надо иметь какие-никакие деньги про запас.

В глубине души Иван хранил тайну: хорошо бы начать подкапливать деньги на его заветную мечту – машину «Запорожец»! Он так мечтал всегда водить машину! Но на это нужны деньги! Вот и мечтал Ваня, лёжа ночами, долго не засыпая, как он сядет за руль и поведёт всю семью за город за грибами!

Но пока он боялся признаться Ольге в этом. Ведь наверняка начнёт кричать: «У тебя плохое здоровье, уже не мальчик и т. д.». Ну так оно и вышло! Услышав такое, Ольга побледнела, потом покраснела, вся сгорбилась как-то и тихо произнесла:

– Иван, ты что? Что с тобой? Какие паласы? Какая машина? 100 лет жили без всего этого и ещё проживём!

Закончила она свою речь почти с истерикой в голосе:

– Ты представляешь, что придётся куда-то далеко ехать? А как с работой? Кто меня отпустит посреди года? У меня учебный процесс! Да и у тебя тоже... Я категорически против, – подытожила Ольга и замолчала.

Иван пока решил на время закрыть эту тему. Надо самому все хорошенько обдумать, найти хорошее место, куда ехать, где бы платили побольше и чтоб поездка не была долгой, «Оля права, учебный процесс нарушать нельзя», – заключил про себя Ваня.

Но ночами мысли предательски лезли в голову: «Ольге, конечно, ни к чему ехать. Ей нельзя бросать школу». Он стал планировать, как и куда поехать одному. В результате решил написать Степану, посоветоваться с ним, куда ему лучше податься. Желательно найти место, где погода была бы не сильно холодная, да и не жаркая тоже.

Вскоре пришел ответ от Стёпы. Он советовал другу ехать на Сахалин. Там, как ему рассказывали, морской климат, рабочих по рыболовному делу на рыболовных верфях берут охотно, на любой срок, образование не играет роли. Но надо желательно сесть, вместе всё обдумать, поговорить, найти связи, наводки. Ехать, конечно, надо одному. Жить там особо негде, в плохое ветхое жильё для рабочих Ивану нечего тащить Ольгу. И так она намучилась с маленькими детьми и матерью в эвакуации.

На дворе стоял конец сентября. Несмотря на то, что Стёпа месяц назад был у Майских на свадьбе Нади, он не раздумывая приехал к друзьям опять. Майские встречали его на Ленинградском вокзале. Для этого они по прямой ветке, что было очень удобно, доехали от станции «Спортивная» до «Комсомольской». Каждый раз, бывая на этой станции, Ольга поражалась её величию, архитектурному стилю и красоте.

Как Россия после 1812 г., так и СССР после победы во Второй мировой войне нуждался в визуальном стилистическом подтверждении своего могущества и величия. Воплощением имперских интересов стал так называемый «сталинский ампи́р», монументальный и помпезный. Он также восходил к античным образцам. Образцом сталинского ампира стали вестибюли многих московских станций метро.

Всю дорогу в метро Ольга рассматривала убранство станции. Выйдя на перрон вокзала, Иван с Ольгой сразу же увидели Стёпу. Он был чисто выбрит, моложавый на вид, улыбался и бросился обниматься с друзьями:

– Вы мне как родные люди стали! Больше никого у меня и на свете нет! – возбуждённо говорил Стёпа и хлопал по спине Ваню.

Поселившись у Майских, попив чай с тортом на кухне, придя в себя, все сели в гостиной за круглый обеденный стол, застеленный бархатной красно-бежевой с бахромой скатертью. Начался трудный разговор. Степан видимо хорошо подготовился к разговору, многое смог разузнать.

Пришли к выводу, что ехать надо без Ольги, на три месяца, не больше, так как работа трудная, Ивану уже далеко не 20 лет. Да и ехать надо уже сейчас, так как в декабре-январе наступают холода. Много сил займёт дорога. Ехать надо поездом, с несколькими пересадками. Самолёты не летают туда.

Очень просил Степан друга быть осторожным, внимательным в пути и в разных ситуациях. Особенно в общении с рабочими, живущими с ним рядом в бытовках. Люди могут быть разные, со всей страны приехавшие. В тех краях жизнь всегда была тяжелой, это не Москва. Да и береженого Бог бережет, – заключил Стёпа – надо все предусмотреть и продумать: и одежду, и место, где хранить заработанные деньги, и какие лекарства взять собой. Не забыть конверты для писем, побольше тёплой одежды. Резиновые сапоги и штормовки с капю-

шонами для ловли рыбы на траулерах там выдают, «бдительность должна быть постоянная», – твердил как молитву Степан.

Ольга еле вынесла этот разговор. Это же надо такое придумать! Ей рисовались жуткие картины в пути, мысли о возможных болезнях, ужасы холода и сырости на лодках. Чуть успокаивало одно: всё-таки три месяца – не четыре года войны. Видимо, у неё на роду написано: ждать и надеяться. Подсознательно Оля очень боялась этой поездки, пила валерьяновые капли, ночами плохо спала.

Квартира Майских Степану очень понравилась. Он ходил по квартире с молотком в руках и пытался, где надо, что-то поправить: то плитку подровнять, то крючки прибить на кухне для полотенец и т. д. Несмотря на отсутствие левой руки Стёпа был очень оборотистым, быстрым и работающим мужиком. Всех удивляло только одно: почему до сих пор не женился?

Иван об этом как-то спросил друга напрямую. Но этот вопрос Степан ответил односложно, ухмыляясь в свои отросшие усы:

– Пока не встретил такую, как твоя Оля. На первой встречной жениться не буду. Хочу красивую и умелую, как Ольга.

Все посмеялись этому ответу, зная, какая сильная любовь у Ольги с Иваном. В душе каждый желал Степану счастья.

Скоро Иван начал собираться в дорогу. Маршрут следования был чётко разработан. Вроде все предусмотрели, собирали вещи строго по списку Ольги. Еду в дорогу отбирали очень тщательно. Закуплено было много непортящихся консервов.

Надя, Володя и Олег помогали во всём. Подбадривали отца и мать. Уверяли маму, чтобы она не забывала, что папа прошёл войну, пришел с наградами на груди здоровый и невредимый. Он сильный, здоровье редко подводит. Говоря такое, Надя в душе почти рыдала – так переживала за отца. Уж больно далеко он собрался ехать! Да что там говорить! Всем было не по себе.

Но Иван был твёрд. Так он хотел заработать деньги на «Запорожец», Олегу на фотоаппарат ФЭД! В мыслях он представлял, как его внуки сидят за пианино, как их пухлые пальчики будут бегать по белым клавишам фортепьяно. Он все преодолеет! Он же мужик! Да ещё прошедший войну! В его роду все мужчины были выносливыми и крепкими физически и морально.

Настал час разлуки. Ольга, Надежда, Володя, Олег стояли на перроне и махали папе рукой, посылая воздушный поцелуй. Иван делал вид, что всё отлично. Он скоро придет, и все будет хорошо. Он смотрел на всех и умилялся, какая у него хорошая семья: преданная жена, красавица дочь, прекрасный сын и полюбившийся ему зять Володя! Вот ради них он выдержит все испытания!

* * *

Ехать Ивану пришлось очень долго, больше недели. Он правильно настроил себя, запасся справочниками и книгами для чтения в пути. Конечно, всем этим его снабдила жена. Лекарства были разложены по отдельным коробочкам, каждой прилагалось описание: что, когда, от чего пить.

Тёплое белье Ольга разложила также аккуратно и снабдила аннотацией: когда, что менять, как стирать и т. д. Иван только посмеивался над этим. Навязывала Оля и валенки, но Иван начал так упорно отказываться, что Ольга отступила. Ведь там, на Сахалине будет осень! Хотя, как он вычитал в справочнике – лето и осень там бывают прохладными.

Во время пути Иван стал изучать справочник более подробно. Про климат он вычитал, что он муссонный, благодаря чему на острове лето прохладное и сырое.

«Нескончаемые ветра, дожди, туманы, повышенная влажность в атмосфере, – читал Иван, чуть-чуть расстраиваясь. – В угоду своеобразному климату природа здесь настолько красива и многогранна, что невозможно отвести взгляд от необычных природных пейзажей.»

«Реки здесь, – читал дальше Иван, – непревзойдённо красивы, как и леса. Растительность настолько прекрасна и представлена широким ассортиментом всевозможных трав и растений, что хочется посещать остров снова и снова. Пихты, лиственницы и разнообразное количество лиан – предмет гордости Сахалина». Ваня почесал в голове, вздохнул и продолжил читать: «Не получая достаточного количества солнечного света для осуществления процесса фотосинтеза, природа даже при пасмурной погоде способна удивить своей необузданной красотой. Множество природных ископаемых, находящихся на территории острова, позволяют выделить его и поставить в ряд самых богатых островов в СССР и всего мира...»

«Ничего себе, – подумал Иван. – Куда я еду! Правильно, значит, Степан посоветовал ехать на Сахалин. – Но как там с работой? Об этом справочники не пишут», – ухмыльнулся Ваня.

Он стал читать дальше: «На острове находится более 1500 видов растений. Здесь произрастает особая разновидность травы – травы-гиганта, которая может достигать огромных размеров в ширину и длину.

Иван вздохнул, отложил в сторону книгу и молча посмотрел в окно. Там за окном стоял сильный туман. Только слабо в небе видна была матовая, мутная луна.

«Даааа, – подумал Ваня, – сколько всего интересного в мире! А мы живём и ничего этого не видим. – Ну, ничего, приеду – отправлю всю семью в Сочи! Пусть посмотрят и покупаются в море!»

Он опять принялся читать дальше: «Среди пушного зверя выделяют: выдру, белку, норку, горностая, лисицу, и даже медведя! Можно там встретиться и с гадюкой, и с японским полозом. Необычайно красивая и разнообразная флора и фауна поражают любого, кто приезжает на Сахалин».

Иван передохнул ещё раз. Подумал, опять почесал голову и, пытаясь представить себе прочитанное, начал читать далее:

«Даже великий русский писатель А.П. Чехов, посетив этот уникальный остров, находился под долгим впечатлением от увиденного и посвятил этому краю свое известное произведение «Остров Сахалин».

«Надо будет почитать Чехова, – пронеслось в голове Вани. – Приеду, попрошу Олю найти в библиотеке эту книгу».

От всего прочитанного он слегка утомился, прислонил голову к раме окна и незаметно уснул. Под стук колёс поезда ему снились леса, реки, почему-то слоны и носороги, о которых в книге не говорилось.

Очень долго ехал Иван на поезде на неведомый ему остров Сахалин. Очень устали у него и ноги и спина от постоянного сидения и лежания на полке вагона. Пейзажи за окном были один красивее другого, это отвлекало от боли в шее, коленях, голове. Он никогда не думал, что созерцание природы так будет благостно на него действовать.

Леса тянулись на десятки километров. Остроконечные сосны и ели сменялись непроходимыми топями и болотами, затянутыми жёлтыми и белыми кувшинками и ярко-изумрудной ряской.

Чаще всего из хвойных встречались кедровые сосны, чья серебристо-зелёная густая хвоя покрывала ветви почти до основания ствола, поэтому кедровая сосна казалась гигантской нарядной колонной среди окружающей растительности. Встречались заросли пихты с длинной заостренной хвоей, у которой крона дерева ниспадала до самой земли. Но больше всего Ваню поразили заросли вереска, который произрастал в сосновых лесах, на горах и торфяных болотах.

Через какое-то время показалась пустошь, поросшая вереском, особенно красивым при закате. Сзади пустоши находились холмы, тоже поросшие зеленоватым и сиренево-розовым вереском. Увиденная картина казалась прелестной, краски переливались, как на картинах импрессионистов.

Существует легенда о том (это тоже Иван вычитал в справочнике), что вереск единственный из всех растений согласился на просьбу Бога произрастать на склонах гор, холмов, отовсюду продуваемых ветрами. За свою отзывчивость и смелость кустарник получил в подарок от Бога чудесный аромат, великолепный вид, невероятную выносливость, неприхотливость и превосходные медоносные свойства.

На протяжении долгого времени не было видно ни одного посёлка, ни одного человека. Чувствовалось, что здесь ритм жизни и время как бы замедлились. Солнце светило мало, небо было закрыто густыми облаками. Проезжали места, где туман стоял стеной, через которую ничего не было видно.

Наконец-то проехали материк. Предстоял долгий переезд на пароме на остров. Ещё одно приключение.

Это – ничто, по сравнению с ездой на поездах. Плыл Иван очень много часов. Море была широкое, тёмное, видно, что не тёплое. Иногда вдалеке видны были рыболовные суда, белеющие на горизонте. Вид моря с корабля был сказочный! Такие морские просторы Иван видел только на Ладоге во время войны. Но то время не хотелось вспоминать.

Иван опять достал справочник, покопался в нём и прочитал: «Освоение Россией Сахалина началось в 17-м – начале 18-го веков, с походов русских землепроходцев и мореходов. Успешные действия амурской экспедиции Б.И. Невельского способствовали закреплению края за Россией. На острове основаны русские военные посты и первые крестьянские селения. В ходе Гражданской войны и иностранной интервенции Япония в 1920-м году оккупировала принадлежащую России северную часть Сахалина. В 1945-м году в результате победы во Второй мировой войне СССР вернул себе Южно-Сахалинск и Курильские острова...»

За чтением справочника и рассматриванием карты время пробегало быстро. Наконец-то Иван оказался на месте. Никто, конечно, его не встречал. Но он знал адрес точного места назначения. Быстро нашел в порту машину с водителем-лихачом, и они двинулись в путь дальше. На следующий день Иван уже вышел на работу.

Ещё находясь в городе, успел быстро отправить телеграмму, в которой сообщалось, что он на месте, все нормально. Все родные, получив телеграмму, немного успокоились. Дальше письма от Ивана приходили реже. Ещё бы! Какие расстояния должна пройти – проехать почта, пока заветный конверт дойдёт до адресата.

Но всё-таки редкие письма приходили. Иван скупно писал о своей жизни:

«Работаю на плавучем крабозаводе. Это редкостное зрелище! Страшная вонища, дышать совершенно невозможно. Хожу весь в грязи. Но меня предупреждали об этом. Я был ко всему готов. Процветает пьянство.

Но ты же, Оля, знаешь, что я к этому делу не имею никакого отношения. Так что не волнуйся. Найти приличных людей очень трудно, но все же можно. Платят хорошо, так что не зря поехал. Опять повторяю: не волнуйся! Я все выдюжу! Море мне совсем осточертело. Мечтаю о доме», – в конце заключил Иван.

Однажды Ольга получила довольно подробное письмо о городе Южно-Сахалинске. Наверно, Иван смог выбраться туда посмотреть город. Иван писал:

«Южно-Сахалинск расположен в 25 км от Охотского моря, на реке Сусуя. Заселение Сахалина русскими людьми шло главным образом за счёт ссыльнокаторжных. Начало отправки ссыльных было положено ещё в 1858 году. А через 11 лет Сахалин был официально объявлен местом ссылки и каторги.

После захвата в 1905 году Сахалина японцами власть на Южном Сахалине находилась в руках военной администрации. Лишь в 1946 году после войны была образована Южно-Сахалинская область. И центром ее стал город Тоехара, переименованный в город Южно-Сахалинск. Город находится в окружении сопок».

Заканчивал свое повествование Иван словами: «Красота неопишная! Срочно нужен фотоаппарат! На первые заработанные деньги непременно куплю его. Словами всего не расскажешь, а так хоть посмотрите фотографии».

Ольга и Надежда успокаивались, получая от Ивана такие оптимистические письма. И с надеждой в душе на лучшее продолжали жить дальше.

Так пролетело два месяца. Последнее время что-то долго не приходило писем от Вани. Оля начала беспокоиться. Хотела уже было пойти на почту, дать телеграмму, но точного адреса не знала, его и не было.

Вечером вдруг раздался тревожный междугородний звонок из Ленинграда. В трубке звучал хриплый беспокойный голос Степы:

– Мне звонили от Ивана, который успел дать твой и мой телефон своему сменщику Фёдору. Тот сообщил, что Иван в больнице, но просил тебе пока ничего не говорить. Знаю я немного: напали эки, двое, когда шел с работы. Попытались отобрать деньги. Завязалась драка. Ивана пырнули ножом в спину. Как-то, но всё-таки Иван смог отбиться, позже на помощь подоспел Фёдор и другие работники с судна. Они-то и отвезли Ивана в больницу. Он жив, за него борются врачи.

Степан говорил быстро, видимо экономя деньги за разговор. В конце попытался успокоить Ольгу:

– Не волнуйся сильно, я буду звонить тебе. Связь через Федора я смог наладить, хотя она конечно, плохая. Буду держать тебя в курсе событий. Надо надеется на лучшее. Иван все выдержит. Он у нас стойкий, закалённый в боях! Оля, – добавил он, – пока всё. Жди завтра моего звонка. И быстро положил трубку.

Ольга еле дошла до табуретки, стоящей в прихожей. Господи! Как страшно! Она посидела немного, силы совсем покидали её. Но через некоторое время нашла силы встать. Она начала метаться по комнате как раненый зверь. Слёзы произвольно текли у неё по щекам. «Я одна с этой болью не справлюсь», – стучало у неё в голове.

Ольга не могла в одиночестве находиться в квартире. Не ведая, что делает, она стремглав бросилась по лестнице вниз на улицу. Ноги сами вели к Новодевичьему монастырю. Дойдя до пруда, который широко расстился перед стенами собора, Ольга остановилась и стала, глядя на золотые купола церкви, неистово молиться. Ей было все равно, видит кто её или нет. Она верила, когда обращалась к небесам, что ей помогут.

Рыдая, Ольга вымаливала помощи мужу от Бога, пытаясь достучаться до небес. Она читала про себя, а иногда и вслух молитвы, которые она знала из детства. Её мать Настя знала, что делала, заставляя Олю учить молитвы.

Домой она шла еле, передвигая ноги. И хорошо, что вовремя вернулась. Примерно через полчаса раздался звонок от Степы:

– Оля, не волнуйся. Ивану сделали операцию. Очень удачно. Нож прошёл всего в полутора сантиметрах от сердца. Не задев его. Сейчас он отходит от наркоза. Врачи сказали, что мужчина он крепкий, все должен выдержать. Иван просил тебе передать привет, объяснение в любви и слова: «Я всё одолею, любимая Оля!»

«Все будет хорошо!» – как заклинание, шептала Оля. У неё появилась небольшая надежда, за которую она схватилась, как за спасательный круг.

Время бежало быстро. Иван звонил Ольге уже несколько раз, после того как его выпи-сали. Он выздоровел, продолжал работать, но уже не в открытом море, на плавающем рыб-

заводе, где можно было элементарно простудиться. Он это понимал. Да и тяжести поднимать ему больше нельзя: как бы швы не разошлись после операции.

Пришлось искать другую работу. Он смог устроиться в порту учётчиком. Работа, конечно, уже не так хорошо оплачивалась, как рыбакам. Но деньги здесь, на Сахалине, платили не сравнимые с Москвой. Учитывалась надбавка за тяжелые условия жизни. Да и вообще на Дальнем Востоке платили больше: Сахалин – суровый край, тяжелый климат, оторванность от материка.

Ивану повезло, что эки не отобрали у него денег: при себе их и не было! Посчитав свои заработки, он решил ещё поработать здесь до середины декабря. Там дальше начнутся настоящие холода. Если он уедет с Сахалина в середине месяца, как раз к Новому 1958 году будет дома.

Он потихоньку начал собираться в обратный путь. Почти все Олины лекарства остались целы, так что беспокоиться особо ничего! Все страшное осталось позади.

Зашив заработанные деньги по специально пришитым женой ещё в Москве карманам (а их было несколько!), Иван сел сначала на корабль – паром, а потом уже в поезд. Обратная дорога показалась легче. Он почти не вставал с места, долгими часами смотря в окно. Много спал на своей, теперь уже нижней полке.

Лишних контактов и разговоров не заводил и не допускал. Да к тому же деньги, зашитые во внутренние карманы курток, брюк, свитеров, рубашек, не давали ему хорошо двигаться. Он старался ходить как можно меньше, по коридору вагона ходил только в крайних случаях.

Долгие дни и ночи напролёт в окне проплывали только сопки. На них он уже насмотрелся вдоволь. Он устал долго смотреть на леса, и на горы, и болота, уже покрытые снегом. Болели и спина, и глаза, чувствовалась большая усталость. В основном Иван старался побольше спать или просто лежать, никуда не выходя.

И лишь когда замелькали смешанные леса, а затем уже поля – знакомый любимый родной пейзаж, Ваня опять прильнул к окну. Через какое-то время начали появляться берёзы, тополя, липы и рябины, а не только ели и сосны. Сердце Вани защемило от счастья.

Маленькие поля, разделённые между собой полосками земли, напоминали Ивану лоскутное одеяло. С их появлением уже становилось ясно, что это родная, знакомая земля. Осталось ехать недолго.

Наконец-то он дома! Ольга повисла на шее мужа, не могла оторваться, плача от радости! Олежка и Надя с восторгом смотрели на отца. В доме стоял праздник! Предновогодняя суэта дополнилась счастьем от приезда родного человека.

Вечером, сев на диване, включив лампочки на ёлке, все слушали интересные рассказы Ивана о поездке, о Сахалине. Привёз он, конечно, всем подарки. Одним из них был обещанный фотоаппарат, заряженный плёнкой с видами Дальнего Востока. Осталось только проявить плёнку и напечатать фотографии. Это взял на себя Володя.

Иван ходил в районную поликлинику, швы на спине быстро зарастали, общий иммунитет постепенно укреплялся. Настроение у него было прекрасное. Все, что он задумал перед отъездом, свершилось! Мечты его о покупке машины, похоже, сбудутся! Но ещё одна мысль давно глубоко засела у него в голове, точно заноза. Денег он поднакопил, Надя и Володя поженились, могут скоро родить детей. А Иван всю жизнь мечтал о том, чтобы его внук или внучка непременно играли на пианино!

Откуда взялась у него в голове эта мысль, было неизвестно. Никаких музыкантов у него в роду сроду не было. Но так хотелось, чтобы его дети и внуки жили, не зная войны, в достатке и радости! Чтобы они знали, что такое любовь, чтобы жизнь сопровождала музыка.

Неприменно он внукам купит когда-нибудь инструмент! Это будет ещё не скоро, дети пока не родились. Да и заниматься музыкой они начнут не грудными. Время ещё есть. К тому

же многое меняется на глазах к лучшему. Быстро растёт Москва, развивается промышленность, руководство государства давно сменилось. В воздухе пахнет переменами.

Особо быстро шёл процесс в области освоения космоса. 4 октября 1957 г. был запущен первый в мире искусственный спутник Земли. Хотя спутник пролетал всего три месяца в космосе, это был прорыв. Этот день стал считаться началом космической эры человечества.

* * *

Довольная, раскрасневшаяся на морозе, Ольга шла вдоль по улице и почему-то радостно улыбалась. Трудности позади. Все надеются, что новый, 1958 год принесёт много хорошего. Ольга была в новом дорогом пальто, украшенном на воротничке рыженьким мехом лисички, что привез Иван с Сахалина. Мех очень подходил к ее медным волосам и зелёным глазам, которые светились счастьем.

Она решила прогуляться по району, изучить получше улицы и переулки своего нового места жительства. Ноги непроизвольно вывели её от своей «Спортивной» на недалеко расположенный, расчищающийся для застройки Комсомольский проспект. Раньше этот район назывался Хамовники.

Трасса проспекта была запланирована ещё в 1935 году под условным названием «Восточный луч». Однако к строительству луча до войны так и не приступили. В середине 1950 годов к идее прокладки «Восточного луча» решили вернуться. Наметили линию застройки вдоль окружной железной дороги, где недалеко поселились Майские.

Единственное, что уже много лет стояло в этих местах – это Хамовнические казармы. Они красиво выделялись на почти пустынной улице. Ещё в 1807 году здания казарм были построены здесь в стиле классицизма. Строительство велось под руководством архитектора М. Казакова. Хамовнические казармы строились при Александре I и предназначались для размещения Астраханского пехотного полка. Во дворах по торцам ансамбля выстроили конюшни для лошадей высших чинов. В 1837 году началось строительство пожарного полицейского дома Хамовнической части. В 1877 году каланча и декор фасадов были сильно изменены.

Хамовнические казармы дважды становились местом сбора Московского ополчения: в 1812 году, и в 1941-м. В ополчение записывались все: ремесленники, мещане, дворяне. Многие студенты Московского университета, в том числе А. Грибоедов, вышли отсюда ополченцами.

Некоторые вещи Ольга помнила из книг, которые специально прочитала в справочниках о Москве, взятых из школьной библиотеки. Все сведения о близлежащих к ним местах были ей очень интересны. И как учителю и просто, для общего развития. В живую она ничего подробно раньше не видела, потому и пошла на эту незапланированную экскурсию.

На Комсомольском проспекте было очень ветрено, огромное пространство земли ещё не все было застроено домами. Ветер гулял по улице, гоняя снежный комья по земле и поднимая облака снега вверх при каждом порыве ветра, закручивая их по спирали. Вся земля была изрыта большими котлованами для фундаментов будущих домов.

На самой набережной уже стояли крепкие, сталинские дома, построенные до войны, но их было немного. Ольга дошла до набережной реки. Остановилась и долго смотрела на реку, затянутую толстым голубым льдом. Вид на противоположную сторону и Нескучный сад был так красив!

Деревья, словно посеребренные, молча стояли, думая о чем-то своем, накрывшись белыми снежными покрывалами. Вид был сказочный! Оля шла по пустынной набережной и улыбалась чему-то своему, хорошему, женскому.

Придя домой, замёрзшая, с ледяными ногами и красным носом, она посмотрела на себя в зеркало: «Похожа на Деда Мороза с белыми заиндеветыми бровями и ресницами, – засмеялась Оля, – ну ничего, сейчас, согрею горячего чайку и сразу станет теплее!»

– Семья, все в гостиную! Будем чаевничать! Открываю коробку с новым чайным сервизом, подаренным на новоселье! – радостно закричала хозяйка. Все дети, Володя и муж дружно кинулись помогать матери. Даже Олежка оторвался от своих бесчисленных чертежей: у него шла первая зимняя сессия.

Убрав со стола повседневную скатерку и постелив новую белую, все уселись за стол. Начались беседы! Все весело перебивали друг друга, рассказывая интересные истории и случаи из жизни. Огни новогодней ёлки освещали всю комнату, как бы подмигивая всем членам семьи Майских – Крапивиных.

«Какое счастье иметь большую семью, где все любят друг друга», – подумала Ольга и стала по очереди всех целовать в висок от прилива чувств.

Внезапно раздался телефонный звонок. Звонил по междугороднему Степан из Ленинграда. Иван, радостный и возбуждённый, хорошо поговорил со Стёпой, успокоил его, что со здоровьем у него всё хорошо. И, положив трубку, на всю комнату закричал:

– Все! На Олежкины студенческие каникулы едем все в Ленинград! Это всем новогодний подарок от меня и Степы! Сколько можно собираться? Время пришло!

– Ура-а-а! – закричали все домашние.

– Я все сдам досрочно! Вот увидите! Уже два экзамена позади, осталось всего-то три ещё. Я у вас умный родился! – перевозбудился Олег и, искоса взглянув на сестру, ласково добавил:

– Да и Надюха у нас – гений!

– Мамочка, мы в Эрмитаже побываем! – вскрикнула Надя. – Как я давно мечтала об этом! Володя-то был раньше, а я – никогда!

Дождавшись, когда Олег сдаст экзамены, в феврале вся семья села в поезд Москва – Ленинград. На вокзале бывшего Санкт-Петербурга всех встречал улыбающийся во весь рост Стёпа. Все Майские разместились в квартире Степана: она была трёхкомнатная! Места всем хватило, так умело он все смог продумать, подготовиться к приезду друзей.

Осмотрели все, что можно было: побывали в Эрмитаже, гуляли по Невскому проспекту, посетили дом-музей Пушкина на Мойке, прошлись по Аничкову мосту. Успели даже сходить в Петропавловскую крепость, дошли до крейсера «Аврора», стоявшего на набережной.

Но больше всего понравилось путешествие по Петергофу и по пушкинским местам в Царском селе, где прошли юные годы поэта. Ездили на экскурсионном автобусе, с экскурсоводом, который подробно все рассказывал. Ольга и Надежда – учителя-литераторы усердно все записывали в блокноте. Володя много фотографировал на купленный Иваном фотоаппарат.

Зимний Ленинград очень всем понравился. Гладкий синий лёд замёрзшей Невы сиял на солнце. Ветра на набережной дули так сильно, что сносили с ног, но это не пугало путешественников. Они были рады всему: и виду «Медного всадника», и лошадям Клодта на мосту, и, разумеется, виду Александрийского столпа с находящимся наверху на макушке ангелом.

Под конец все так устали, замёрзли, что уже не было сил гулять на морозе дальше. Но Степан упорно тащил и тащил друзей дальше, чтобы успели посмотреть все, что им было намерено. Последний день все побывали в Исаакиевском соборе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.